

от автора мировых бестселлеров

«В ТЕМНОМ-ТЕМНОМ ЛЕСУ»,

«ДЕВУШКА ИЗ КАЮТЫ №10» И «ПОВОРОТ КЛЮЧА»!

РУТ УЭЙР

ОДИН ЗА ДРУГИМ

Агата Кристи нашего поколения!

Дэвид Болдаччи

Рут Уэйр
Один за другим
Серия «Психологический
триллер: Лучшее»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67124172
Один за другим : [роман] / Рут Уэйр: АСТ; Москва; 2022
ISBN 978-5-17-136324-6

Аннотация

В уединенное шале, расположенное высоко в горах, съезжаются сотрудники компании, создавшей модное музыкальное приложение «Снуп». Здесь они намерены покататься на лыжах, отдохнуть и обсудить важные рабочие вопросы.

Но во время спуска в ущелье гибнет одна из акционеров «Снупа» – Ева.

А затем сход лавины отрезает шале от внешнего мира, лишает электричества и связи. Полицию вызвать невозможно. А попытка расследовать причины гибели Евы собственными силами приводит к новой трагедии. Еще одного сотрудника компании, Эллиота, обнаружившего какую-то важную зацепку, находят мертвым.

Теперь становится ясно: под одной крышей со снуперами – убийца. И, кажется, он не намерен останавливаться, пока все не будут убиты – один за другим...

Содержание

За пять дней до упомянутых событий	11
Лиз	11
Эрин	13
Лиз	26
Эрин	33
Лиз	42
Эрин	48
Лиз	56
Эрин	60
Лиз	63
Эрин	71
Лиз	79
Эрин	86
Лиз	102
Эрин	108
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Рут Уэйр

Один за другим

*Посвящается Али, Джилли и Марку,
показавшим мне Скрытую Долину.*

Информация с веб-страницы «О нас» сайта компании «Снуп»

Привет. Мы – «Снуп». Смелей, читайте о нас, пишите нам, снупьте за нами – не стесняйтесь! Мы классные. А вы?

Тофер Сент-Клер-Бриджес

Кто тут главный? Если и есть человек, который имеет право так называться, то это Тоф. Соучредитель «Снупа» (вместе со своей бывшей девушкой, моделью/художницей/профессиональной сорвиголовой @evaluation). С Тофа все началось. Его нет на месте? Значит, он покоряет горнолыжные склоны в Шамони, отрывается в берлинском ночном клубе «Бергхайн» или просто где-нибудь тусит. Ищите Тофера в «Снупе» под ником @xtopher или стучитесь через его личного помощника Иниго Райдера – единственного, кто смеет давать Тофу указания.

Слушает: Oscar Mulero «Like a Wolf»

Ева ван ден Берг

Из Амстердама в Сидней, из Нью-Йорка в Лондон – куда только не забрасывала ее карьера! Сейчас Ева обитает в лондонском Шордиче вместе с мужем, финансистом Арно Янковичем, и дочерью Рэдиссон. В 2010-м Ева основала «Снуп» вместе со своим тогдашним спутником жизни @xtopher. Идея родилась из одного-единственного желания влюбленных: поддерживать связь через океан, на расстоянии пяти тысяч километров. Тофер с Евой разошлись, но их связь жива – «Снуп». Вы тоже можете связаться с Евой: по нику @evaluation или через ее личную помощницу Ани Крессуэл.

Слушает: Nico «Janitor of Lunacy»

Рик Адейми

предводитель монет

Рик – блюститель денег, счетовод, хранитель ключей... словом, вы поняли. Он ведет «Снуп» с первых дней, а Тофа знает и того дольше. Что тут скажешь? «Снуп» – семейный бизнес. Рик живет с женой Вероникой в Хайгейте, Лондон. За Риком можно снупить по нику @rikshaw.

Слушает: Willie Bobo «La Descarga del Bobo»

Эллиот Кросс

главный умник

Музыка, конечно, сердце и душа «Снупа», зато программные коды – его ДНК. Эллиот же – маэстро кодов. Прежде чем стать ярко-розовым логотипом на экране вашего телефона, «Снуп» выглядел просто строчками языка «Java» на экране одного человека, и человеком этим был Эллиот. Лучший друг Тофа чуть ли не с пеленок, Эллиот чересчур классный для технаря. Снупьте его по нику @ex.

Слушает: Kraftwerk «Autobahn»

Миранда Хан **царица друзей**

Миранда обожает высоченные каблуки-шпильки, ультрамодные вещи и *исключительно* хороший кофе. Она смакует гватемальские вина углекислотной мацерации, изучает последние дизайнерские коллекции на сайте высокой моды, а в промежутках улыбается от имени «Снупа» миру. Хотите написать о нас, пообщаться, устроить нам головомойку или просто сказать «привет»? Вам к Миранде. «Снуп» уверен – поклонников и подписчиков много не бывает, друзей тоже. Сделайте своим другом Миранду, @mirandelicious.

Слушает: Madonna «4 Minutes»

Тайгер-Блю Эспозито **повелительница нирваны**

Воплощение релакса, Тайгер поддерживает свое фирменное состояние дзен при помощи ежедневной йоги, безоце-

ночной осознанности и – конечно же! – «Снупа», звучащего в огромных наушниках. Между балансировками в бхуджапидасане и отдыхом в анантасане (подъем ноги к потолку из положения лежа на боку, для непосвященных) Тайгер отшлифовывает до блеска каждую шестеренку «Снупа», доводит наш имидж до совершенства – и представляет его миру. Расслабляйтесь с Тайгер на @blueskythinking.

Слушает: Jai-Jagdeesh «Aad Guray Nameh»

Карл Фостер

законник

Двух мнений быть не может: Карл удерживает нас в рамках закона, следит за тем, чтобы в любых обстоятельствах мы снупили по правилам. Выпускник Университетского колледжа Лондона, Карл стажировался в компании барристеров «Темпл скуэйр чамберс». Затем работал во многих международных фирмах, в основном в индустрии развлечений. Он живет в Кройдоне. Снупьте за Карлом по нику @carlfoster1972.

Слушает: The Rolling Stones «Sympathy for the Devil»

Информация с новостного сайта Би-би-си

Четверг, 16 января

**НА
ТРАГИЧЕСКИ
БРИТАНЦЕВ**

**ГОРНОЛЫЖНОМ
ПОГИБЛИ**

**КУРОРТЕ
ЧЕТВЕРО**

Элитный горнолыжный курорт Сент-Антуан во Франции потрясла новость о второй трагедии за неделю – после того как сошедшая лавина унесла жизни шестерых человек и оставила почти весь регион без электричества.

Стало известно, что в уединенном, отрезанном от мира шале разыгралась настоящая драма из фильма ужасов. В результате четверо британцев погибли, двое госпитализированы.

Тревогу подняли лишь после того, как выжившие преодолели по снегу больше трех миль и запросили помощи по рации. Возникает вопрос – почему французские власти не позаботились о восстановлении энергоснабжения и мобильной связи раньше, сразу после схода воскресной лавины?

Шеф местной полиции Этьен Дюпон не пожелал давать комментарии, ограничившись фразой «ведется расследование». Пресс-секретарь британского посольства в Париже заявил: «Подтверждаем, что нам сообщили о смерти четырех граждан Британии в департаменте Савоя во Французских Альпах и что на нынешнем этапе местная полиция трактует данные происшествия как связанные убийства. Выражаем соболезнования друзьям и родственникам жертв».

Семьи покойных оповещены.

По последней информации, восемь выживших, предположительно также британцы, помогают полиции в расследовании.

Этот год отмечен необычайно сильными снегопадами. Воскресная лавина стала шестой с начала горнолыжного сезона и увеличила число смертельных несчастных случаев в регионе до двенадцати.

За пять дней до упомянутых событий

Лиз

Слуп ID: ANON101

Слушает: James Blunt «You're Beautiful»

Слупобъекты: 0

Слупписчики: 0

Даже в микроавтобусе по пути из аэропорта Женевы я не вынимаю наушников из ушей. Игнорирую полные надежд взгляды Тофера и косящуюся в мою сторону Еву. Наушники помогают. Помогают заглушить голоса в голове, *их* голоса, которые тянут меня в разные стороны, заваливают призывами и аргументами «за» и «против».

Я предпочитаю слушать не это, а Джеймса Бланта. Он твердит, что я прекрасна, вновь и вновь. Смешно, конечно, но я не смеюсь. Его ложь успокаивает.

Сейчас тринадцать часов пятьдесят две минуты. Небо свинцово-серое, за окном кружат снежинки. Завораживающая картина. Удивительно, на земле снег белый-белый, а на фоне неба, пока падает, – серый. Точно пепел.

Начинается подъем. Мы забираемся выше, снег усиливается, уже не тает на стекле, а налипает, скользит по нему; дворники отшвыривают в стороны снежную жижу, она пролетает мимо пассажирских окон. Надеюсь, у автобуса зимние шины.

Водитель переключает передачу: впереди очередной крутой поворот. Автобус делает вираж, земля исчезает; чудится – сейчас упадем в пропасть. Желудок бунтует, голова кружится. Я закрываю глаза, отгораживаюсь от всего, целиком ухожу в музыку.

Песня вдруг умолкает.

Я остаюсь наедине с собой, в голове звучит лишь один голос, и заглушить его не получается. Голос принадлежит мне. Он шепотом повторяет вопрос, который я задаю себе с той минуты, как самолет оторвался от взлетной полосы в Гатви-ке.

Почему я поехала? *Почему?*

Впрочем, ответ мне известен.

Я поехала, потому что не поехать не могла.

Эрин

Слуп ID: НЕТ ДАННЫХ

Слушает: НЕТ ДАННЫХ

Слупписчики: НЕТ ДАННЫХ

Снег идет и идет – пушистые белые снежинки лениво плывут вниз, мягко укутывают пики, лыжные трассы и долины Сент-Антуана.

За пару недель насыпало три метра, и прогнозируют еще. Снегопокалипсис, как выражается Дэнни. Снегмагеддон. Подъемники закрыли, потом открыли – и вновь закрыли. Сейчас они остановлены почти по всему курорту, однако стойкий маленький фуникулер, ведущий к нашему крошечному поселению, пыхтит по-прежнему. Он остеклен, поэтому не боится даже самых сильных снегопадов: снег просто покрывает тоннель, а рельсы не заносит. Это хорошо, потому что в тех редких случаях, когда фуникулер закрывают, мы отрезаны от мира. Дорог к Сент-Антуану 2000 нет – по крайней мере зимой. Абсолютно все попадает сюда на фуникулере, начиная от гостей и заканчивая каждым кусочком пищи на завтрак, обед и ужин. Можно, правда, нанять вертолет, если денег хватит (не самая неслыханная вещь в здешних местах, поверьте). Впрочем, при плохой погоде вертолеты в небо не поднимаются. Метель они пережидают в безопасно-

сти, в долине.

Если долго об этом думать, возникает странное ощущение – вроде клаустрофобии, которая никак не согласуется с просторами вокруг шале. Дело не только в снеге, но и в уйме горьких воспоминаний. Стоит остановиться на минут-другую, и перед глазами всплывают непрошенные картины: одревенелые пальцы, скребущие спрессованный снег; сияние заката в голубом небе; блеск покрытых льдом ресниц. Благо сегодня расслабляться некогда. Начало второго, а я еще убираю предпоследнюю комнату. И тут слышу вибрирующий удар гонга с нижнего этажа. Дэнни. Он громко зовет меня, добавляет что-то неразборчивое.

– Не поняла?! – кричу вниз.

Дэнни повторяет, теперь отчетливей. Видимо, подошел к лестнице.

– Кормежка, говорю! Суп из пастернака с трюфелями. Тащи свой ленивый зад сюда!

– Да, шеф, – рапортую со смехом.

Быстро опорожняю мусорное ведро, застилаю его новым пакетом и спешу по винтовой лестнице в вестибюль, где меня приветствуют аромат приготовленного Дэнни супа и песня «*Venus in Furs*».

Суббота – это одновременно и лучший день недели, и худший. Лучший, потому что в субботу пересменка: гостей нет, шале в нашем с Дэнни распоряжении, мы можем нежиться в бассейне, париться в горячей ванне на улице и включать

какую угодно музыку на какую угодно громкость.

Худший, потому что в субботу пересменка, а значит, нужно перестелить девять двуспальных кроватей, убрать в девяти санузлах (в одиннадцати, если считать туалет на первом этаже и душ у бассейна), подмести и пропылесосить восемнадцать лыжных шкафчиков, а еще гостиную, столовую, кабинет, каморку и уличное место для курения, где земля усеяна отвратительными окурками всем урнам вопреки. Спасибо, Дэнни приводит в порядок кухню сам, хотя у него тоже дел хватает. Субботний вечер – время торжественного ужина. Для новых гостей, видите ли, необходимо устроить целое представление.

Мы сидим за большим обеденным столом, я просматриваю информацию, которую Кейт прислала утром по электронной почте, и зачерпываю суп. Он сладковатый и насыщенный, на поверхности плавают крошечные хрустящие кусочки – пастернак, обжаренный в трюфельном масле.

– Очень вкусный суп, – хвалю.

Я свою роль знаю. Дэнни закатывает глаза – ясное дело! Скромностью он не отличается. Зато готовит божественно. Великолепный повар.

– Думаешь, гостям понравится?

Он явно напрашивается на комплименты, да оно и понятно. Дэнни – нескромная примадонна на кухонной сцене и, как все артисты, обожает дифирамбы в свой адрес.

– Обязательно понравится. Суп изумительный, согреваю-

щий и... м-м... вкус многогранный.

Я старательно подбираю эпитеты для описания удивительного пряного вкуса. Дэнни любит *точные* комплименты.

– Что еще готовишь?

– На закуску подам *amuse-bouche*¹. – Перечисляя блюда, он загибает пальцы. – Трюфельный суп для аппетита. Затем оленьё филе для мясоедов и грибные равиоли для вегетарианцев. На десерт – крем-брюле. Ну и сыр.

Крем-брюле – коронное блюдо Дэнни, и это нечто! Я своими глазами видела, как гости дрались за добавку.

– Замечательное меню, – одобрительно киваю я.

– Ага, если только за столом не притаится очередной неопознанный веган! – угрюмо ворчит Дэнни.

Это он об уехавших накануне гостях: среди них оказался не просто веган, а веган с непереносимостью глютена. Дэнни до сих пор не пришел в себя и, по-моему, не простил Кейт.

– Теперь Кейт расписала все четко, – пробую задобрить я Дэнни. – Один с непереносимостью лактозы, один – глютена, три вегетарианца. Никаких веганов. Без сюрпризов.

– Как же, без сюрпризов, – брюзжит Дэнни, смакуя свое мученичество. – Найдется кто-нибудь на низкоуглеводный диете. Или фруктоед. Или солнцеед.

– Ну, солнцееды тебе хлопот не доставят, логично? – говорю я. – Они питаются воздухом, а его тут полно.

Я указываю на огромное окно во всю южную стену ком-

¹ Легкая закуска, комплимент от шеф-повара.

наты. Оно смотрит на горные вершины и хребты Альп. От панорамы дух захватывает. Хотя я теперь и живу тут, сама иногда замираю как вкопанная, сраженная этой красотой. Сегодня видимость плохая, тучи висят низко, густо сыплют снежинками. Зато в хорошую погоду видно чуть ли не до Женевского озера. К северо-востоку от шале вздымается Ле Дам Бланш – наивысший пик долины Сент-Антуан, который затмевает все вокруг.

– Огласи имена, – командует Дэнни, жуя.

«Огласи» звучит скорее как «охласи». Уроженец Портсмута, Дэнни говорит с чистейшим южнолондонским акцентом. Никогда не поймешь, притворяется или нет. Настоящий артист. Чем лучше я узнаю Дэнни, тем сильнее восхищаюсь сложным сочетанием разных личностей, таящихся у него внутри. Образ простоватого кокни, который Дэнни нацепляет на себя для гостей, лишь одна из личин. Он умеет в мгновение ока превращаться из безупречного Гая Ричи в эпатажного Ру Пола.

Впрочем, я тоже не безгрешна – разыгрываю собственный спектакль. Наверное, так поступают многие. Тем и хороши курортные деревушки – здесь никто не задерживается надолго. Можно начать жизнь с чистого листа.

– Хочу не ударить в грязь лицом, – прерывает мои мысли Дэнни. – К черту, больше никаких Мадлен! Кейт с меня шкуру спустит.

Кейт – региональный представитель, она отвечает за бро-

нирование и логистику по всем шести шале компании. Любит, чтобы мы обращались к гостям по имени с первого дня заезда. Индивидуальный подход. Именно он, по словам Кейт, отличает нас от крупных сетевых отелей. Легче сказать, чем сделать: гости ведь постоянно меняются. На прошлой неделе Дэнни завел дружбу с женщиной по имени Мадлен, а когда пришли бланки с отзывами, ни одной Мадлен среди постояльцев не обнаружилось. Вообще никого с именем на «М». Дэнни до сих пор понятия не имеет, с кем беседовал целую неделю.

Я пробегаю пальцем по списку, полученному вчера вечером от Кейт.

– Нас ждет корпоратив. Технологическая компания под названием «Снуп». Девять человек, все в отдельных комнатах. Ева ван ден Берг, соучредитель. Тофер Сент-Клер-Бриджес, соучредитель. Рик Адейми, предводитель монет. Эллиот Кросс, главный умник.

Дэнни шумно фыркает, но я продолжаю:

– Миранда Хан, царица друзей. Иниго Райдер, босс Тофера. Ани Крессуэл, укротительница Евы. Тайгер-Блю Эспозито, повелительница нирваны. Карл Фостер, законник.

Под конец Дэнни уже рыдает от хохота и чуть было не захлебывается супом.

– Там правда так написано? – выдавливают из себя между приступами кашля. – Предводитель монет? Тайгер... как, мать ее, дальше? Не знал, что у Кейт есть чувство юмора. Где

настоящий список?

– Это и есть настоящий список. – Я с трудом сдерживаюсь от смеха при виде перепачканного и блестящего от слез лица Дэнни. – Возьми салфетку.

– Что?! Издеваешься? – Он ахает и откидывается на спинку стула, обмахивая себя ладонью. – Стой, беру свои слова назад. «Снуп», он такой.

– Ты их знаешь?!

Я удивлена. Обычно Дэнни не в курсе подобных вещей. У нас чего только не бывает: частные вечеринки, необычные свадьбы и юбилеи, а сколько выездных корпоративов, просто удивительно! Видимо, цену за шале легче переварить, если платит работодатель. Приезжают многие – юридические фирмы, хедж-фонды, корпорации из списка пятисот крупнейших мировых фирм. Однако впервые Дэнни что-то слышал о компании-госте, а я нет.

– Чем они занимаются?

– «Снуп»? – Теперь удивлен Дэнни. – Ты что, в пещере живешь, Эрин?

– Нет, я... Просто я о них никогда не слышала. Медиа-компания? Сама не знаю, почему медиа. Ну а где еще может работать Тайгер-Блю Эспозито?

– Нет, это приложение. – Дэнни смотрит на меня недоверчиво. – Ты правда не в теме? «Снуп»! Музыкальное приложение. Где можно... эээ, снупить за людьми. Вроде как шпионить.

– Совершенно не представляю, о чем ты.

– «Снуп», Эрин! – повторяет Дэнни раздраженно.

Точно ждет, что я хлопну себя по лбу и воскликну: «Ах да, «Снуп»!»

Дэнни пролистывает приложения в телефоне до иконки с двумя круглыми глазами на ядовито-розовом фоне. Или не глазами, а шестеренками? Бог его знает. Дэнни тыкает пальцем на логотип, экран становится ярко-розовым, затем черным, на нем вспыхивают слова цвета фуксии: «*СНУП*. Реальные люди, реальное время, реальная громкость».

Два «О» в английском названии представляют собой колесики аудиокассеты.

– Привязываешь «Снуп» к своему аккаунту «Спотифай» или любому другому музыкальному приложению, – поясняет Дэнни.

Показывает меню. Список знаменитостей. И что?

– Дальше твои прослушивания становятся доступны всем.

– Зачем? – не понимаю я.

– Принцип *quid pro quo*², разве не ясно? – нетерпеливо бросает Дэнни. – Разрешаешь слушать себя – получаешь разрешение слушать других. «Снуп» называет это «вуайеризм для ушей».

– То есть... я могу посмотреть, что слушает... э-э... например, Бейонсе? Если она в приложении.

– Угу. И Мадонна. И Джей-Зи. И Джастин Бибер. Кто

² Услуга за услугу (*фр.*).

удочно. Звездам нравится – новый «Инстаграм». Способ установить связь, понимаешь? Причем не выдавая никакой особой информации.

Я медленно киваю. Да, что-то в этом есть...

– В общем, «Снуп» показывает плейлисты знаменитостей?

– Нет, не плейлисты. Вся фишка – в реальном времени. Ты получаешь то, что звезда слушает *прямо сейчас!*

– А если она спит?

– Тогда ничего не получаешь. Если человек не в сети и не слушает музыку, он не появляется в поисковой строке. Если ты за кем-то снупишь, а он перестает слушать, трансляция обрывается. Можешь переключиться на кого-нибудь другого.

– Значит, если тот, за кем снуют, ставит песню на паузу и отвечает на телефонный звонок...

– Да, песня выключается, – кивает Дэнни.

– Кошмарная идея какая-то.

Он со смехом качает головой:

– Нет, ты не прониклась. Тут дело в... – Дэнни подыскивает слова для описания неопишуемого. – Дело в связи. Ты слушаешь то же самое, что и звезда, вместе с ней, такт в такт. Представь: где бы ни была сейчас леди Гага, она слушает то же, что и ты. Как будто... – Его осеняет, лицо светлеет. – Вот знаешь, когда на первом свидании вы делите одни наушники на двоих: один вкладываешь в твоё ухо, а второй – в ухо парня?

Я киваю.

– Так и тут. Ты и Леди Гага, она делится с тобой наушником. Очень круто. Когда лежишь в постели, слушаешь, и тут трансляция выключается... Сразу думаешь – звезда, наверное, сейчас делает то же самое, что и я: вертится в кровати, засыпает... почти интимные чувства испытываешь. Хотя там же не только звезды. Вот, скажем, у тебя с кем-нибудь отношения на расстоянии. Пожалуйста – снупь за своим парнем, слушай вместе с ним одно и то же. Если знаешь его уникальный идентификатор, ясное дело. Я свой блокирую.

– Блокируешь... – озадаченно повторяю я. – То есть... твоя трансляция всем доступна, но никто не знает, что это ты?

– Да, и у меня всего два подписчика, потому что я не синхронизирую приложение своими контактами. Заметь, некоторые популярные снуперы сохраняют инкогнито. Например, один парень из Ирана. Называет себя *НасТ*. Он почти ежемесячно попадает в топ-десять. Ну, якобы из Ирана, а там кто знает. Указал Иран на своей страничке, да и ладно. На самом-то деле парень, может, из Флориды.

Телефон издает звук, Дэнни показывает мне экран:

– О, видишь? Это франкоговорящая девчонка из канадского Монреаля, я на нее подписан, *Msaggronistic*. Любит классный панк. Мне пришло оповещение, что она появилась онлайн и включила... – Дэнни листает уведомление. – «*The Slits*». Я не в курсе, кто такие, но в том-то и кайф, вдруг мне

понравится.

– Согласна.

Я тоже не в курсе. Впрочем, логика в рассуждениях Дэнни есть.

– Ладно. – Он начинает убирать со стола. – Я к чему: все эти технологические стартапы вполне способны обзвать финансового директора счетоводом-монетчиком, или как они его там окрестили? Типа, оригинально и смело. Кофе будешь?

Я смотрю на часы. Два семнадцать.

– Не успеваю. Мне еще две комнаты убирать, потом бассейн.

– Принесу тебе кофе, иди.

Я встаю и потягиваюсь, разминаю шею, плечи. До этой работы я и не подозревала, каким тяжелым физическим трудом является уборка. Таскать пылесос вверх-вниз по лестнице, драить туалеты и кафельную плитку... Убрать девять комнат подряд – все равно что в тренажерном зале позаниматься.

Не успеваю я закончить работу у бассейна, как с чашкой кофе является Дэнни. На нем любимые плавки, крошечные и на редкость тесные. Желтые, как банан, а на попе – алая надпись «ПЛАХОЙ МАЛЬЧИК»; она бросается в глаза, когда Дэнни, нагнувшись, ставит кофе на шезлонг.

– Не вздумай расплескать, вытирать не буду, – предупре-

ждаю я.

Дэнни в ответ лишь показывает язык, затем красиво, без единого всплеска, входит в воду. Для ныряния здесь глубины недостаточно, но Дэнни легко скользит у самого дна и всплывает на поверхность в дальнем конце бассейна, целый и невредимый.

– Хватит драить, тут уже чисто. Ныряй!

Меня одолевает нерешительность. Я еще не пропылесосила столовую – заметит ли это кто-нибудь?

Смотрю на часы. Три пятнадцать. Гости приедут в четыре. Все рассчитано до минуты.

– Ладно, уговорил.

Это наш еженедельный ритуал. Десятиминутное погружение в бассейн после всех дел; способ предъявить права на территорию и напомнить себе, кто тут на самом деле главный.

Купальник уже на мне, под одеждой. Я стаскиваю потную футболку и грязные рабочие джинсы. Не успеваю оттолкнуться от бортика, как чья-то рука дергает меня за лодыжку, и я с визгом шлепаюсь в бассейн.

Выныриваю, отплевываясь и убирая волосы с глаз. Вода повсюду.

– Кретин! Я же просила не брызгать!

– Спокойствие! – раскатисто хохочет Дэнни, вода блестит на темной коже драгоценными камнями. – Я все вытру, клянусь.

– Убью, если не вытрешь!

– Вытру! Я же пообещал, да? Вытру, пока ты будешь сушить волосы. – Он указывает на свою стриженную под машинку голову.

Да, тут у него передо мной преимущество.

Я толкаю его в плечо, но злиться на Дэнни долго не умею, и следующие десять минут мы плаваем, толкаем друг дружку и боремся, словно щенки. Наконец оба начинаем задыхаться и прекращаем возню.

Довольный Дэнни вылезает из бассейна и, хватая ртом воздух, шлепает к раздевалкам – наряжаться и встречать гостей.

Мне тоже пора, столько дел еще... Однако на мгновенье – всего на мгновенье – я позволяю себе передышку. Ложусь на спину и дрейфую, распластав руки и ноги. Нашупываю шрам на щеке, веду пальцем по линии – кожа внутри до сих пор тонкая, нежная. Вижу сквозь стеклянную крышу серое небо, кружащие снежинки.

Небо *в точности* такого цвета, как глаза Уилла.

Время до прибытия гостей истекает, я слышу, как Дэнни начинает вытирать воду в раздевалке. Нужно идти, а я не могу. Не могу отвести взгляда. Лежу на спине, в ореоле собственных темных волос, дрейфую, наблюдаю. Вспоминаю.

Лиз

Снуп ID: ANON101

Слушает: снупит за EDSHEERAN

Снупобъекты: 0

Снупписчики: 0

Мы уже довольно высоко в горах. Дорога пролегает через альпийские деревушки, очень красивые, будто с открытки, но всю живописность портит небо – оно не голубое, а угрожающе-серое, низкое. На смену мокрому снегу пришли гигантские белые хлопья, дворники микроавтобуса работают на максимальной скорости. Влажный черный асфальт превратился в обледенелые серые борозды, по которым шины странно гроыхают. По обеим сторонам дороги снегоуборочная машина намела огромные грязные сугробы. Мы будто в тоннеле, стены подступают, стискивают... Я утыкаюсь в телефон, чтобы отвлечься от неприятного чувства, листаю приложения, возвращаюсь в «Снуп».

Я удалила его после ухода из компании. «Снуп» был в прошлом, и мне не хотелось, чтобы Тофер, Ева и другие следили за мной через приложение. Через пару недель не выдержала и установила его вновь. Число пользователей «Снупа» недаром перевалило за сто миллионов – он затягивает, как наркотик. Зато теперь мой аккаунт надежно закрыт, к нему

привязан левый электронный адрес, и даже Эллиот, имеющий доступ к данным, не узнает, что это я. У меня нет паранойи. Я не думаю, будто Эллиот раз в три дня ищет информацию о пользователе Лиз Оуэнс. Нет. Просто я – человек непубличный. Имею право?

Сидящий впереди Тофер обращается ко мне. Вынимаю наушники.

– Прости, не расслышала.

– Выпить, говорю, хочешь? – Он указывает на открытую бутылку шампанского.

– Нет. Спасибо. – Я качаю головой.

– Дело твое.

Тофер жадно припадает к горлышку, меня передергивает. Вытерев губы, он заявляет:

– Надеюсь, небо расчистится. С таким снегопадом на лыжах много не накатаешь.

– Разве в снегопад кататься нельзя? – спрашиваю.

Тофер смеется, будто я сказала глупость.

– В принципе можно, хотя удовольствия никакого. Все равно что бегать под дождем. Ты никогда не каталась на лыжах?

– Нет.

Я замечаю, что жую заусеницу, и отдергиваю руку. В голове звучит обеспокоенный мамин голос: «Лиз, пожалуйста, не грызи ногти. Ты же знаешь, папа этого не любит». Чтобы заглушить ее слова, я громко говорю:

– По-настоящему – нет. Однажды, еще в школе, нас возили на искусственный лыжный склон, но вряд ли это назовешь катанием.

– Тебе понравится, – говорит Тофер с обычной возмутительной уверенностью.

Он, естественно, не может знать, понравится мне или нет. Только его заявлениям почему-то веришь. Когда Тофер произносит «твои деньги будут в целости и сохранности», или «это шикарная инвестиция», или «больше никто не предложит подобных условий» – ты не сомневаешься. Подписываешь чек. Открываешь депозит. Вверяешь в руки Тофера все.

Потому-то он, наверное, и стал тем, кем стал. Сногсшибательная уверенность. Черт!

Я в ответ молчу. Впрочем, ответа Тофер не ждет. Стреляет в меня ослепительной улыбкой, отхлебывает «Крюг» и отворачивается к водителю.

– Мы почти приехали, верно?

– *Comment?* – переспрашивает француз.

Тофер улыбается с преувеличенным терпением, повторяет медленнее:

– Почти. Приехали?

– *Presque*, – грубовато бросает водитель.

– Скоро, – тихонько перевожу я и сразу об этом жалею.

– Не знала, что ты говоришь по-французски, Лиз, – замечает Ева.

Обернувшись, она смотрит на меня. Улыбается. Слова

произносит, будто медали раздает.

«Ты многого обо мне не знаешь, Ева», – думаю. Вслух же бормочу:

– На уровне школьной программы. Не очень хорошо.

– Ты, оказывается, темная лошадка, – с восхищением говорит Ева.

Она хочет мне польстить, но похвала звучит снисходительно, ведь английский – второй язык Евы после нидерландского, а еще она свободно владеет немецким и итальянским.

Не успеваю я ответить, как микроавтобус останавливается, шины скрипят по снегу. Я выглядываю в окно. Вместо ожидаемого шале вижу темный вход в заснеженный холм и вывеску «Ле фуникулер де Сент-Антуан». Горнолыжный подъемник? Уже?

Удивлена не я одна. Приземистый Карл, юрист «Снупа», тоже выглядит озадаченным. Водитель выходит и начинает разгружать чемоданы.

– Дальше пешком, что ли? – не понимает Карл. – Я снегоступы не брал, между прочим!

– Мы отдыхаем в Сент-Антуане 2000, – поясняет помощник Тофера.

Еще в самолете я выяснила, что помощника зовут Иниго. Он американец, блондин и вообще красавец. Отвечает Карлу и заодно обращается ко всем нам:

– Это Сент-Антуан-ле-Лак, вокруг разбросано много по-

селений, некоторые состоят из двух-трех шале. Наше расположено на высоте семи тысяч футов... в смысле, двух тысяч метров, – поспешно поправляется он, когда Ева поднимает бровь. – Туда нет подъездных дорог, и остаток пути нужно преодолевать на фуникулере. – Иниго кивает на дыру в холме.

Глаза немного привыкают к темноте, и я различаю внутри турникет, а рядом в маленькой кабинке – мужчину в форме; он со скупающим видом рассматривает что-то в телефоне.

– Вот билеты на всех, – добавляет Иниго, показывая пачку бумаг.

Выбираемся из микроавтобуса на мягкий снег. Иниго раздает билеты, мы топчемся на месте, смотрим по сторонам. Я нервно стискиваю в кармане пальцы и чувствую, как хрустят суставы. На часах семь минут пятого, но из-за низких снежных туч небо почти черное. Каждый берет чемодан, водитель замыкает шестивие. Ждем в тоннеле. Мне не по себе. Фуникулер невидим, он где-то наверху, о его приближении возвещает гул внушительного стального троса.

– Как поживаешь, Лиз? – раздается за спиной, и я поворачиваюсь к Рикку Адейми, финансовому директору «Снупа».

Одно из немногих знакомых лиц – кроме Евы, Тофера и Эллиота. Рик держит под мышкой пустую бутылку из-под шампанского и широко улыбается, выдыхая белое облачко в холодный воздух.

– Сто лет не виделись! – Он хлопает меня по плечу тяже-

лой рукой.

Больно. Я стараюсь не морщиться.

– У меня все хорошо, – отвечаю.

Голос звучит холодно, официально. Я и рада бы говорить по-другому, да не могу – у меня вечно такой тон, когда я нервничаю. С Риком же я нервничаю всегда. Отчасти из-за его роста. Я вообще не очень хорошо отношусь к мужчинам, особенно к высоким. Хотя дело не только в росте. Рик такой... эlegantный. Гораздо эlegantней Тофера, хотя они оба из одного мира. В прямом смысле. Рик, Тофер и Эллиот познакомились в школе-пансионе. Эллиот уже тогда был гением. Элитный пансион – это вам не моя средняя школа Кэмпсбурн в Кроли. Я для них существо с другой планеты. Странное. Нелепое. *Рабочий класс*.

Я стискиваю пальцы, хрустя суставами, и Рик морщится. Натянута смеется.

– Старая добрая Лиз. По-прежнему хрустишь пальцами?

Я не отвечаю. Он переминается с ноги на ногу, машинально поправляет серебряный «Ролекс» на запястье. Вглядывается вверх, в направлении ползущего к нам невидимого вагона.

– Как поживаешь? – спрашивает.

Я мысленно закатываю глаза. «Ты уже интересовался», – думаю. Но молчу. Учусь поступать так время от времени. Даже весело наблюдать за реакцией людей.

Рик резко переводит взгляд на меня, ждет общепринятого

ответа «хорошо». Не услышав его, прячет свободную руку в карман. Вид обескураженный.

Хорошо. Пусть ждет дальше.

Эрин

Снуп ID: LITTLEMY

Слушает:

Снупписчики: 0

– Литт лему? – восклицает Дэнни за моей спиной, когда я ввожу имя пользователя. – Что за бред?!

– Не Литт лему, а «Литтл Мю». Малышка Мю. Персонаж из муми-троллей.

– Кого? – озадачивается он.

– Муми-троллей! Это серия детских... Ладно, не важно. Какое имя у тебя?

– Не скажу! – с оскорбленным видом заявляет Дэнни. – Вдруг ты начнешь за мной снупить?

– О, значит, ты мое имя знаешь, а мне твое знать нельзя?

– Вот именно. Что будешь слушать?

Я нажимаю на первый попавшийся ник, NEVERMINDTHEHORLIX. Его предложил «Снуп», выбрал из списка контактов. Не знаю, кто скрывается за этой абракадаброй, подозреваю, что девочка из моей школы. Комнату заполняет композиция «Come and Get Your Love» группы «Redbone». О группе я слышу впервые, а вот песню знаю по популярному сериалу.

– О, кто-то любит «Стражей Галактики», – с насмешкой

бормочет Дэнни.

Тем не менее идет он, приплясывая; бедра двигаются в такт музыке. Едва выглянув в окно, Дэнни спешит назад, к журнальному столику, хватая бутылку шампанского из ведерка со льдом и откупоривает пробку – звук, будто выстрел.

– Приехали! Фуникулер поднимается, уже виден.

Я киваю и прячу телефон в карман. Отдых закончен. По местам.

Через десять минут я стою в распахнутых дверях шале «Персе-Неж», держу одной рукой поднос с бокалами и наблюдаю за небольшой группой, которая, скользя и спотыкаясь, бредет от фуникулера. Обувь на гостях совершенно неподходящая, никто из них не умеет правильно ходить по снегу: короткими шагами, перенося вес тела вперед, а не назад. Шикарный темнокожий красавец несет, кажется... ну да, точно – пустую бутылку из-под «Крюг». Замечательно. Они успели напиться.

Первым достигает крыльца высокий блондин лет тридцати с небольшим. Он очень привлекателен и отлично это знает.

– Приветствую. Тофер. Основатель «Снупа». – Его ослепительная улыбка явно призвана меня обворожить.

От него пахнет алкоголем, и разговаривает он, как типичный воспитанник элитного пансиона. Выглядит почему-то смутно знакомым. Дело, наверное, в характерной внешности

– именно такого актера любой режиссер выбрал бы на роль директора модного интернет-стартапа.

– Рада знакомству, – отвечаю. – Я Эрин, хостес этого шале. Шампанского?

– Раз вы настаиваете... – Тофер берет с подноса бокал и опрокидывает в себя содержимое.

Я мысленно отмечаю – ребятам можно наливать итальянское игристое. Они так пьют, что не отличат вино от шампанского.

– Благодарю. – Тофер возвращает пустой бокал на поднос и оглядывается. – Замечательное место, кстати.

– Спасибо, нам тоже нравится.

Следом подтягиваются остальные. Я обращаю внимание на ослепительно красивую женщину с загорелой кожей и белоснежными волосами.

– Ева ван ден Берг, – представляет красавицу Тофер, когда она подходит к нам. – Соучастница моего преступления.

– Здравствуйте, Ева. Рады приветствовать вашу группу в шале «*Персе-Неж*». Хотите оставить вещи здесь и пройти внутрь, согреться?

– Спасибо, было бы чудесно, – кивает Ева.

У нее интересная манера речи – не совсем привычные для английского языка интонации. Мужчина за Евой падает, поскользнувшись, и вполголоса материт снег. Она небрежно бросает за спину:

– Ну-ка заткнись, Карл.

Я моргаю от неожиданности, но Карл не видит в этой фразе ничего необычного. Он просто закатывает глаза и, поднявшись, идет за коллегами в тепло.

В большой эмалированной печи в вестибюле гудит огонь. Новоприбывшие отряхиваются от снега, растирают перед огнем руки. Я ставлю поднос с бокалами на стол, открываю список гостей. Пробую соотнести имена с людьми.

Ева и Тофер, их я уже знаю. Карл Фостер – тот, кто поскользнулся, коренастый белый мужчина за сорок, с короткой стрижкой и задиристым выражением лица. Он охотно заливается шампанским и явно не переживает о недавнем происшествии. Если судить по фамилии, то Мирандой Хан должна быть женщина у лестницы, весьма элегантная азиатка на шестидюймовых каблуках. Она разговаривает с парнем, который нес «Крюг» – и уже успел сменить пустую бутылку на полный бокал.

– О, Рик, – с легким кокетством произносит дама. – Очень на тебя похоже.

Рик Адейми. Я ставлю еще одну мысленную галочку в списке. Хорошо, с пятью гостями определились. Остальные не столь очевидны. Стройная молодая женщина лет двадцати пяти, чьи короткие волосы окрашены в стиле омбре – темный оттенок у корней плавно переходит в светлый на кончиках, – держит под мышкой свернутый рулоном коврик для йоги. На редкость симпатичный парень двадцати с небольшим лет, очень похожий на молодого Джуда Лоу. Америка-

нец, судя по акценту. За спиной парня – девушка с золотисто-желтыми волосами. Скорее всего, окрашенными. По цвету они как лютик, а по текстуре – как пух одуванчика. Девушка носит огромные круглые очки, с изумлением разглядывает вестибюль и напоминает умильного, едва вылупившегося цыпленка. Это, наверное, либо Ани, либо Тайгер. Представить ее тигром я не могу при всем желании, поэтому записываю пушистое создание в возможные Ани.

Последний, девятый, гость – высокий нескладный мужчина – смотрит в окно, сунув руки в карманы. Его отстраненность бросается в глаза на фоне компанейского поведения коллег: те болтают и перешучиваются с непринужденностью давно знакомых людей.

Нет, погодите. А это кто? Еще гость, и тоже в одиночестве. Точнее, гостя. Женщина под тридцать, горбится в уголке возле огня, словно хочет там тихонько отсидеться. Она одета в темное и сливается с тенями, поэтому ее трудно заметить. Женщина прямо-таки... на ум приходит фраза «ежится от страха» – фраза слишком драматичная, зато очень подходящая. Удивительный контраст с остальными. Те уже хохочут и подливают себе шампанского, не вникая совету не употреблять алкоголь в период адаптации к высоте. Незнакомку отличает не только язык тела – ее отличает все. Она единственная носит одежду уровня «H&M», а не «D&G», и, хотя не единственная здесь в очках, у других они выглядят бутафорскими, купленными для красоты, а у этой женщины

– старыми и функциональными. Она тоже напоминает птицу, но вовсе не пушистого цыпленка. В ней нет ничего милого. Она, скорее, сова – затравленная, испуганная сова, застывшая в свете автомобильных фар.

Нужно подойти, предложить шампанского, решаю я – и обнаруживаю пустой поднос. Неужели просчиталась с бокалами?

Вновь изучаю гостей. Минуточку, их десять, а не девять!

– М-м, простите, – негромко обращаюсь к Тоферу. – Кто-то из вашей компании забронировал другое шале?

Он смотрит непонимающе.

– У меня в списке девять человек, – поясняю я. – А вас, я вижу, десять? Это не проблема, шале вмещает до восемнадцати гостей, но комнат всего девять, поэтому... – Я умолкаю.

Тофер хлопает себя по лбу и поворачивается к Еве.

– Черт! – говорит очень тихо, одними губами. – Мы забыли Лиз.

– Что? – раздраженно спрашивает Ева, отбрасывая за спину шелковистые волосы и разматывая длинный льняной шарф на шее. – О чем ты?

– Мы забыли *Лиз*, – многозначительно повторяет Тофер.

Челюсть у Евы отвисает, она оглядывается на женщину у печи, затем эхом вторит своему бизнес-партнеру:

– Черт, – и тоже одними губами.

Тофер тянет нас обеих в угол, подальше от коллег, и кив-

ком подзывает молодого Джуда Лоу. Вблизи его сходство с актером слабеет, зато впечатление невероятной привлекательности лишь усиливается. У юноши смуглая кожа, резко очерченные славянские скулы и потрясающей голубизны глаза – как топазы.

– Иниго, – шипит Тофер. – Иниго, мы забыли Лиз!

Иниго с минуту смотрит озадаченно, затем до него доходит, и он бледнеет.

– О боже...

Акцент определенно американский. Кажется, калифорнийский, хотя я не очень в этом разбираюсь. Иниго в ужасе прикрывает рот ладонью.

– Тофер, я... я кретин.

– Ты не виноват, – ядовито произносит Ева. – Это Тофер забыл ее включить в первоначальный список. Надо же, именно ее...

– Раз ты такая умная, – огрызается Тофер, – почему не поручила часть работы Ани? Нет, всю текучку свалили на Иниго!

– Ничего страшного, – торопливо вмешиваюсь я.

События развиваются не по сценарию. Первый день нужно посвящать отдыху и расслаблению – блаженствовать в горячей ванне, пить глинтвейн и наслаждаться блюдами, приготовленными Дэнни. Суетной реальности еще рано появляться на сцене; вот когда дело дойдет до презентаций и докладов, тогда ладно.

– Мы заселим всех, честное слово, – уверяю я. – Нужно только определиться с размещением. Номеров всего девять, значит, кого-то надо разместить вдвоем.

– Давайте я гляну список, – хмурится Тофер.

– Нет, давайте я гляну список, – зло бросает Ева. – Ты уже один раз напортачил.

– Да пожалуйста! – раздраженно цедит он.

Ева ведет пальцем по списку, а я рассматриваю ее свитер, по которому разбросаны дырочки с обожженными краями. Свитер наводит на мысль, будто Ева регулярно в нем паяет, хотя я уверена – он был таким дырявым изначально и продавался за внушительную цену.

– Лиз можно поселить с Ани, – подсказывает Иниго.

Ева качает головой:

– Ни в коем случае. Лиз ни с кем селить нельзя, иначе она поймет, в чем дело.

– А Карл? – бурчит Тофер. – На Карла всем наплевать. Давайте его к кому-нибудь подселим.

– К кому? – спрашивает Ева. – Рик ни за что не согласится, правильно? Ну а Эллиот... – Она дергает подбородком в сторону нескладного мужчины, стоящего спиной ко всем.

– Да-да, – поспешно кивает Тофер. – Не годится.

Взгляды Евы и Тофера дружно останавливаются на Иниго, который с тревогой изучает список. Иниго поднимает голову.

– Я что-то прослушал?

– Да, – радостно объявляет Ева. – Ты будешь в одном номере с Карлом. Беги к нему, сообщи новости.

Лицо Иниго вытягивается.

– Придется поменять номера. – Я обдумываю, куда поместится вторая кровать. – Лиз предоставим прежнюю комнату Иниго, она самая маленькая, хорошо? Миранду переселим в номер Карла, а Карла с Иниго разместим в номере Миранды, туда поставим дополнительную кровать.

– А где, собственно, Миранда? – интересуется Тофер.

Я перевожу взгляд на лестницу. Рик разговаривает с пушистым цыпленком – Ани, я правильно вычислила, – а высокая элегантная Миранда исчезла.

– Проклятье, она, видимо, уже пошла к себе, – вздыхает Ева. – Миранду, конечно, не обрадует переселение в номер поменьше, но пусть смирится. Пойдем, Тофер, скажем ей, пока она вещи не распаковала.

– Я с вами, – вызываюсь. – Нужно ведь перенести чемоданы.

В голове зарождается тупая боль. Похоже, неделя предстоит веселая.

Лиз

Снуп ID: ANON101

Слушает: не в сети

Снупписчики: 0

Что-то произошло. Не знаю, что именно, но я видела, как совещаются в стороне

Ева, Тофер, Иниго и девушка из шале. Слышала свое имя, точно. Говорили обо мне. *Шептались* обо мне.

Теперь меня мучает вопрос – что они обсуждали, почему косились украдкой, какие интриги плели?

Господи, ненавижу все это!

Нет. Неправда. Не все. Это место – невероятное шале с бассейном, пейзажами, овчинными пледами и бархатными диванами – просто ожившая мечта. Я никогда не встречала подобной роскоши; по крайней мере, не встречала после ухода из «Снупа». Окажись я тут одна, была бы совершенно счастлива, даже более чем счастлива. Щипала бы себя, не веря собственным глазам.

Я ненавижу *их*.

Наконец я в номере, одна. Падаю на лоскутное одеяло ручной работы, откидываюсь на перьевые подушки и закрываю глаза.

Следовало бы расхаживать по комнате, любоваться пано-

рамой гор, изучать настройки гидромассажной ванны и упиваться своим везением – надо же, попала в сказку! Вместо этого я лежу с закрытыми глазами и раз за разом мысленно проигрываю ужасную, неловкую сцену внизу.

Давно пора привыкнуть. Привыкнуть к тому, что они забывают меня, принимают как должное, игнорируют. Я целый год терпела это в «Снупе». Год наблюдала, как люди после работы направляются в бар, а меня не зовут. Двенадцать месяцев слышала: «Ой, Лиз, зарезервируешь столик на четверых в «Мирабель»?» – и знала, что я в число четверых не вхожу. Один год жизни невидимкой. Я не возражала. Более того – была довольна.

Теперь же, через три года после увольнения, все изменилось. Я очень, *очень* видимая. И пристальное внимание Тофера с Евой, их попытки меня обаять переноси хуже, чем игнорирование.

Семнадцать часов двадцать восемь минут по местному времени. У меня есть девяносто минут до ужина. Полтора часа на то, чтобы искупаться и найти в чемодане наряд, в котором я не буду выглядеть замухрышкой рядом с новой помощницей Евы и девицей из маркетинга, Тайгер.

Я и не думаю конкурировать с Евой и с женщиной на высоких каблуках – как же ее зовут? Миранда. Это мне не только не по зубам, но и не по карману. Ева была моделью на подиуме и еще до популярности «Снупа» тратила на обувь больше, чем я зарабатывала в месяц. Мы с Евой существуем

на разных уровнях. И все же хорошо бы сойти вниз к ужину в достойном виде, вписаться в компанию хотя бы внешне.

Я расстегиваю молнию на бесформенном чемодане и перерываю вещи, которые затолкала в него сегодня утром. Нахожу более-менее подходящее платье. Натягиваю его через голову и замираю перед зеркалом, разглаживая ткань и изучая отражение. Платье черное, из тянущейся ткани. Я купила его после одной статьи в журнале «Эль» – там говорилось, что каждой женщине необходимо маленькое черное платье, а это было самым дешевым из рекомендованных.

Увы, оно почему-то не похоже на платье с журнальной фотографии. В чемодане наряд измялся, и, хотя я надевала его лишь два или три раза, под мышками образовались катышки, придав платью поношенный вид. К спине прилипла какая-то кошачья шерсть, хотя кота у меня нет. Ворсинки от шарфа, наверное.

Девушка вроде Тайгер выбрала бы такое платье в комиссионке, дополнила бы его чем-нибудь несуразным – например, жилетом-кольчугой и армейскими ботинками – и выглядела бы на все сто. Если же кольчугу надену я, она начнет жать под мышками, лязгать при ходьбе и вызывать у встречающих смех и вопросы: «На турнир собралась, милочка?» Жилет заржавеет от моего пота, испачкает одежду, и я возненавижу себя еще сильнее, чем сейчас.

Я по-прежнему безэмоционально рассматриваю свое отражение, как вдруг раздается стук в дверь.

Желудок подскакивает к горлу. Не хочу никого видеть!

– Кто... кто там? – Мой голос обрывается.

– Это Эрин, хостес, – приглушенно слышится из-за деревянной двери. – Я хотела узнать, как вы устроились, не нужно ли чего-нибудь.

Я открываю дверь. На пороге стоит девушка, которая нас встречала. Тогда я не могла ее рассмотреть, а сейчас – могу. Она худая и загорелая, с блестящими каштановыми волосами, одета в аккуратную белую блузу, заправленную в темно-синие джинсы. Спокойная и уверенная, полная моя противоположность.

Общее впечатление нарушает лишь одна деталь – тонкий розовый шрам, пересекающий правую скулу и уходящий под волосы. Гостья одаривает меня улыбкой, от чего шрам растягивается, и я испытываю удивление. Любая девушка попыталась бы замаскировать такую штуку макияжем, а эта... нет.

Хочется узнать, откуда у нее шрам, но вопрос, наверное, не очень уместный. Раньше я спросила бы в лоб. Со временем усвоила на горьком опыте, что подобная прямолинейность кажется другим странной.

– Здравствуйте, я Эрин, – по-прежнему улыбаясь, говорит хостес. – Хотела проверить, все ли вас устраивает в номере, и сообщить, что перед ужином в фойе подадут напитки, затем покажут небольшую презентацию. Начало в шесть сорок пять.

– Презентация? – Я одергиваю платье. – О курорте?

– Нет, бизнес-презентация, по-моему. Разве у вас в расписании не указано?

Я нахожу в чемодане смятую программу, которую Иниго прислал по электронной почте несколько дней назад. Я изучала расписание чуть ли не каждую свободную секунду, пыталась вообразить, как сложится эта неделя, поэтому мне отлично известно – на первый вечер ничего не запланировано. Тем не менее я должна убедиться, что не схожу с ума.

– Ничего не указано, – говорю с укоризненной ноткой.

Девушка пожимает плечами:

– Может, добавили в последнюю минуту? Ваша коллега – Ани, правильно? – попросила установить в кабинете проектор.

У меня едва не слетает с языка, что Ани не коллега. Я с ней не работала. Собственно, я почти никого из нынешней компании не знаю, кроме четверки организаторов – Рика, Эллиота, Евы и Тофера.

Объяснять некогда, я пытаюсь сообразить, что к чему.

Ани – помощница Евы. Значит, презентацию подготовила Ева, а она – настоящий гуру стратегии. Ева не забыла бы включить мероприятие в расписание. Следовательно, она сделала это умышленно. Ева претворяет в жизнь некий план.

Только какой?

– Вы знаете, о чем она? – уточняю я. – Презентация.

– Нет, простите. Мне известно лишь время. Напитки – в шесть сорок пять, презентация – в семь.

– И... что мне надеть? – Спрашивать не хочется, но я в отчаянии.

Девушка улыбается, на лице появляется легкое недоумение:

– В каком смысле? В *«Персе-Неж»* все очень неформально, к ужину никто не наряжается. Наденьте то, в чем вам будет удобно.

– Вечная история! – неожиданно для себя выпаливаю я. – Говорят «надевай, что хочешь», а сами пользуются каким-то тайным дресс-кодом, о котором неизвестно лишь мне. Если я в элегантном, то народ вокруг в джинсах, и я выгляжу нелепо. Если я в повседневном, то остальные в костюмах и платьях. Как будто у всех на свете есть ключ к этой загадке, а у меня – нет!

Я тут же жалею о вырвавшихся словах. Чувствую себя голый и беззащитной. Поздно. Сказанного не вернуть.

Девушка вновь улыбается. По-доброму, но в глазах жалость. К моим щекам приливает кровь.

– У нас тут и правда демократично, – говорит хостес. – Я уверена, что многие даже переодеться не станут. Вы будете выглядеть прекрасно в любой одежде.

– Спасибо, – отвечаю уныло.

Девушка лжет, и мы обе это знаем.

Эрин

Снуп ID: LITTLEMY

Слушает: снупит за XTOPHER

Снупобъекты: 1

Снупписчики: 1

При виде людей, собирающихся в фойе, в голове начинает звучать не чилийский ритм-н-блюз, который я слушала до их прихода (да, я снупила за Тофером), а песня «*Rotterdam*» группы «*The Beautiful South*». Конечно, не все тут блондины, как в песне. Однако все, несомненно, красивы. Красивы до абсурда. Вот улыбается кому-то помощница Евы, милая крошка Ани с личиком-сердечком и лютиковыми волосами. Иниго, правая рука Тофера, к вечеру щеголяет легкой щетиной – ни дать ни взять актер на съемочной площадке. Даже в юристе Карле с воинственным лицом и коренастой фигурой – пожалуй, наименее привлекательном из всей компании – есть определенное обаяние.

– Аппетитный, – одобрительно шепчет мне на ухо Дэнни, разнося канапе. – Я бы попробовал, а ты?

– Карл? Ой, нет, – тихонько отвечаю я.

Дэнни смеется очаровательным гортанным смехом, весьма заразительным. Спрашивает:

– Тогда кто? Парниша-программист?

Он кивает на Эллиота, который вновь стоит на облюбованном месте и ни на кого не смотрит. Я тоже смеюсь, качаю головой, но не потому, что Эллиот неинтересный. Да, он напоминает неуклюжего школьника – и все равно умудряется быть по-гиковски сексуальным. Его костяк словно не вмещается под кожу, Эллиот весь какой-то угловатый: запястья острые, скулы выступают, косточки на щиколотке торчат из-под коротких брюк. Зато губы на удивление чувственные, а когда пробирающаяся сквозь толпу коллега кладет руку ему на талию, выглядит это... да, выглядит интимно. Причем Эллиот не уклоняется, как я ожидала.

– Народ, – перекрикивает гул голосов Тофер. – Пора начинать вечеринку. Карл, Иниго, вы разберетесь с акустической системой? Боже, ну кто поверит, что мы технари?

Откуда ни возьмись начинает играть музыка. «*Golden Years*» в исполнении Дэвида Боуи. Не знаю, кто ее включил, но выбор подходящий. Эту компанию определенно можно назвать золотой и беспечной.

– Приветствую. – К нашей группке подходит та самая девушка, которая приобнимала Эллиота.

Она покачивается в такт музыке, коротенькое платье-свитер открывает стройные подтянутые ноги, удобу которых еще больше подчеркивают массивные ботинки-мартинсы. С минуту я не могу сообразить, кто это, и холодею от паники, а потом замечаю омбре на волосах и колечко в носу. Девушка с ковриком для йоги! Я тут же вспоминаю. Йога. Тайгер.

Тайгер-Блю Эспозито. Повелительница нирваны.

– Добрый вечер, Тайгер. – Протягиваю ей поднос с коктейлями. – Не желаете выпить? Здесь martini с ягодным джином, а слева – традиционный, с мармеладом.

– Вообще-то я хотела раздобыть еды.

Она обворожительно улыбается, демонстрируя белоснежные ровные зубы и ямочку на нежной персиковой щеке. Голос у Тайгер низкий, хрипловатый, напоминает урчание кошки – удивительно подходит к необычному имени.

– Простите, я знаю, что некрасиво хватать канапе прямо у кухонной двери, но они ужасно вкусные, а я умираю от голода. В самолете не кормили, и, если не считать завтрака, я целый день не ела, только «Крюг» пила. – Помолчав, Тайгер заявляет с неожиданно грубым смешком: – Кого я обманываю? Я просто патологическая обжора!

– Не извиняйтесь. – Дэнни протягивает ей поднос, где аккуратными рядами выстроилась армия любовно приготовленных канапе. – Люблю девушек с хорошим аппетитом. Вот это – профитроли с начинкой из сыра гауда. – Дэнни указывает на крошечные пушистые комочки. – А справа перепелиные яйца с копченой рикоттой.

– И то, и то вегетарианское? – уточняет Тайгер.

Дэнни кивает.

– Без глютена?

– Перепелиные яйца.

– Отлично.

Вновь мелькает ямочка на щеке, Тайгер кладет в рот перепелиное яйцо и в блаженстве закрывает глаза. Прожевав, томно говорит:

– Это какой-то канапеобразный оргазм. Можно еще?

– Конечно, – расплывается в улыбке Дэнни. – Обязательно оставьте место для чая.

Тайгер запихивает в рот очередное яйцо и, еле ворочая языком, выдает:

– Спасите меня от меня! Скорее спрячьте поднос, не то я превращусь в Гомера Симпсона и начну пускать слюни на пол.

Дэнни отвечает шутливый поклон и удаляется к Эллиоту, Тайгер смотрит повару вслед, явно любуясь. Я ее понимаю. Дэнни добрый, он шикарно готовит и чертовски мил. К тому же свободен. Жаль, девушками не интересуется.

– Тайгер! – раздается за спиной отрывистый властный голос.

К нам через всю комнату шествует пиар-дама, Миранда. Черные атласные волосы распущены, шикарный комбинезон из черного шелка подчеркивает тонкую талию. Темно-синие бархатные туфли на шпильках оставляют небольшие вмятины на отполированном деревянном полу, я подмечаю это с неудовольствием, но сказать ничего не могу. Молча протягиваю поднос с напитками. Миранда, не глядя на меня, берет бокал и швыряет на поднос недоеденную копченую утку на шпажке.

– Нужно поговорить, – обращается она к Тайгер.

Голос у Миранды высокий и резкий, дикция четкая, почти как у принцессы Маргарет.

– Ладно, – добродушно отвечает Тайгер и, дожевав, вытирает рот. – Ты пробовала перепелиные яйца? Просто мечта.

– Бог с ними, с яйцами. Тайг, послушай, давай обсудим маркетинговую стратегию по геоснупу, новой разработке Эллиота. Мне позвонили насчет нее две минуты назад. Помнишь настырного гаденыша из «Безкабеля»?

– Как? – Тайгер поражена. – Откуда они узнали?! Геоснуп даже в бета-версии еще не запущен!

– Без понятия. Наверняка Эллиот разболтал. Он не умеет держать язык за зубами; рассказывает всем желающим, какую «крутую» штуку создал. – Миранда изображает пальцами кавычки. – С «Безкабелем» я пока разобралась, хотя рано или поздно информация всплывет, и меня очень беспокоит реакция прессы. Сама понимаешь, приватность нынче тема номер один в соцсетях. Вряд ли кто-нибудь уже заметил изменения в пользовательских настройках, но это лишь вопрос времени... Господи, да что за жуткий грохот! Можно его приглушить, пожалуйста?

Она поворачивается ко мне, прижимая пальцы к виску, и я понимаю, что речь о музыке.

– Музыку включил кто-то из ваших коллег, – сообщаю. – Сейчас сделаю тише.

Я отправляюсь на поиски пульта от динамиков.

– Думаю, нужно разработать два подхода, – продолжает Миранда. – План А: новость объявляем в оговоренные сроки – маркетинг, пиар, шумиха в соцсетях и так далее. Это мы уже набросали в общих чертах. План Б: на случай утечки информации раньше времени. Если такое произойдет, будем ли мы проводить маркетинговую кампанию? Нам *крайне* необходимо контролировать обсуждения в соцсетях!

Они продолжают обговаривать детали, но я уже не слышу. Пульт отыскивается под грязной салфеткой, я немного приглушаю музыку и бросаю взгляд на часы на каминной полке. Без пяти семь. Компании пора перемещаться в кабинет, но кого-то не хватает.

– Не прошло и полгода, черт возьми! – долетает сзади мужской голос, и я обнаруживаю за спиной Тофера. – Ну и обслуживание у вас, от жажды умереть можно.

Он смахивает с глаз светлые волосы, затем смягчает грубость улыбкой, обаятельной лишь самую малость.

– Прошу прощения! – Я протягиваю поднос, вежливо улыбаюсь, маскируя раздражение. – Ягодный martini?

Тофер опустошает бокал с пугающей скоростью. Так и хочется предупредить, что коктейль почти наполовину состоит из джина, но я молчу.

– Карл? – предлагаю напитки юристу.

Тот серьезно кивает и берет с подноса последний традиционный martini:

– Ваше здоровье. Хотя, честно говоря, спиртного мне хва-

тит. Лучше бы еды. Есть еще сырны пирожки? Я зверски проголодался.

– Сырны пирожки! – смеется Тофер. – А как же физическая форма, друг мой Карл? Лыжи выдержат? – Он хлопает Карла по солидному животу, выпирающему под клетчатой рубашкой.

– Углеводы, старина, – отвечает Карл, подмигивая мне. – Важная часть моих тренировок.

– Дэнни разносит канапе, сейчас и к вам подойдет, – заверяю я.

Карл не видит, что за его спиной Дэнни попался в лапы к Эллиоту: тот методично берет с подноса профитроли с гаудой и по одному закидывает в рот, словно чипсы. Надеюсь, на кухне есть еще.

Тофер тоже это замечает и, подавшись вперед, хватает Эллиота за плечо.

– Эллиот, приятель, хорош монополизировать официанта. Карлу нужны углеводы.

Воспользовавшись возможностью, я незаметно отхожу проверить, как дела у остальной компании.

Часы над печью показывают семь ноль пять, я насчитываю лишь девять гостей. Кто-то опаздывает, и это замечаю не я одна. Ева постукивает ногой, обеспокоенно оглядывается.

– Где Лиз, сколько можно? – шипит помощнику Тофера. Он шепчет в ответ какие-то оправдания. Затем его лицо светлеет, и он касается руки Евы.

Ева поднимает взгляд на площадку между этажами. Я – тоже. Наверху спиральной лестницы стоит Лиз. Она приобнимает себя за плечи, и на фоне ее напряженной неловкости даже Эллиот кажется расслабленным.

– Лиз! – зовет Ева. – Иди к нам, выпей.

Медленно, даже неохотно, Лиз спускается. На ней то самое бесформенное черное платье, в котором я застала ее час назад. Сердце екает от жалости. Наряд совершенно не идет Лиз – в нем она похожа на мешок с картошкой, явно это сознает и потому беспокойно разглаживает ткань над проступающими контурами трусиков. У подножия лестницы Лиз замирает и, сжав кулаки, хрустит пальцами – привычный жест, нечто вроде нервного тика. Звук получается до крайности неприятным, будто полено в огне трещит.

Я направляюсь к ней с напитками, меня опережает Тофер. Подхватывает с подноса ягодный мартини и спешит к Лиз, протягивая ей бокал. На лице – выражение щенячьего нетерпения, которое не вяжется с образом Тофера.

Не вяжется настолько, что я недоуменно моргаю.

Кто эта женщина? Почему ее так обхаживают? Словно... Я задумчиво хмурюсь. Словно боятся.

Бред какой-то.

Лиз

Слуп ID: ANON101

Слушает: не в сети

Слупписчики: 0

Они ждут, толпятся у подножия лестницы – Ева, Тофер, Иниго, Рик. На Еве длинное платье из белой шерсти. Наверное, кашемировое. Я чувствую себя замухрышкой. Тофер, одетый в джинсы и рубашку с распахнутым воротом, машет перед моим лицом бокалом с мартини.

– Коктейль, Лиз?

– Нет, спасибо.

– Соглашайся, – вкрадчиво говорит он – не Тофер, а само обаяние. – Такой повод, вся банда вновь в сборе!

Нужно бы улыбнуться, но мне не до улыбок. Платье очень тесное. Я надела утягивающее белье, от чего стало только хуже: белье впивается в тело, режет живот. И музыка слишком громкая.

– Спасибо, не буду. Голова болит.

Не хочу говорить правду – я больше не пью спиртного. Тофер может заинтересоваться почему.

– Бедняжка, – произносит он. – У меня в номере есть «Ибупрофен». Иниго...

– Нет, спасибо. – Сердце странно трепыхается, мне немно-

го не по себе. – Не хочу обезболивающих. Лучше просто воды.

– Это, наверное, из-за высоты, – заботливо говорит Ева. – И сухого воздуха. Тут легко получить обезвоживание. Ты молодец, что не пьешь спиртное, очень благоразумно.

Тофер сердито смотрит на Иниго, дергает головой в сторону кухни. Помощник кивает и быстро уходит. Видимо, за водой.

Тофер берет стакан у вернувшегося Иниго, командует остальным:

– Расступитесь немного, дайте Лиз воздуха!

После чего увлекает меня к небольшому дивану, жестом предлагает сесть. Выхода я не вижу и подчиняюсь. Тофер устраивается рядом, слишком близко. Берет меня за руку.

Паника нарастает.

Я знаю, что сейчас услышу.

– Лиз, хочу заметить... – начинает Тофер.

В ужасе оглядываюсь. Сердце по-прежнему бьется неровно. Вдруг это инфаркт?

Тофер повествует о своей гордости за то, что он помог мне встать на ноги, о выгодном впечатлении, которое я произвела во время собеседования, о моем вкладе в «Снуп» и о нашем «совместном пути».

Слова едва различимы из-за громкой пронзительной музыки и необычного свиста в ушах. Однако слышать Тофера не обязательно, я и без того понимаю, что он говорит.

Я поддержал тебя.

Я дал тебе шанс.

Без меня тебя здесь не было бы.

Ты передо мной в долгу.

Причем Тофер прав. Я знаю – прав. И это ужасно, ведь мне предстоит его предать.

Он такой милый, что лучше бы у меня и правда случился инфаркт. Хотя пахнет спиртным, и дышит жаром, и сидит чересчур близко, и я вижу совсем другую картину – вот надо мной нависает отец...

Я нервно стискиваю пальцы, чтобы хрустнуть, но тут в голове раздается непрощенный голос: «Еще хоть раз услышу этот противный звук!»

Я невольно вздрагиваю.

– ...и потому я безумно горд, – заканчивает Тофер.

Я не представляю, что сказать. Не успеваю ничего придумать – из дальнего конца вестибюля долетает хрустальный звон. Это помощница Евы, Ани. На ней шелковое платье, сделанное как будто из двух связанных между собой шарфов; она стоит на цыпочках и постукивает одним бокалом о другой. Громкое «дзынь-дзынь» плывет по фойе.

Все умолкают, кроме Эллиота. Он продолжает разговаривать с Риком, и в тишине отчетливо разносится глубокий монотонный бас:

– ...с геоснупом неполадки в работе сервера множатся. Если не найти...

Рик толкает Эллиота, тот оглядывается и смущенно прикусывает язык.

Тофер рядом со мной каменеет, вид у него ошеломленный. Итак, сейчас будет презентация Евы. Причем Тофера, похоже, в известность не поставили.

Внезапно до меня доходит. Вот, значит, в чем дело... Это западня.

Нет, не так.

Это переворот.

Эрин

Снуп ID: LITTLEMY

Слушает: не в сети

Снупписчики: 1

– Снуперы! – произносит Ева неестественно веселым голосом.

И без того высокая, она стоит на нижней ступеньке винтовой лестницы и выглядит потрясающе в безупречно облегающем фигуру платье из кашемира – словно изящный тонкий бокал для шампанского.

– Этого не было в программе, но нам с Ани захотелось сказать вам: «Добро пожаловать!» и начать наши каникулы с рассказа об успехах «Снупа». Захотелось напомнить, какие вы все замечательные. Мы очень многого достигли, и каждый из присутствующих вложил немало сил в создание феномена под названием «Снуп». Давайте ненадолго пройдем в кабинет. Напитки можно взять с собой.

Атмосфера наэлектризованная. Странно, почему?

Судя по реакции окружающих, компания разделилась на три лагеря.

Во-первых, свита Евы, состоящая из Рика и Ани. Они знали о презентации и ждали выступления Евы, держались рядом. Теперь же, когда она закончила говорить, оба выглядят

настороженными, готовыми к бою.

Во второй лагерь, золотую середину, входят люди, которые удивлены приятно – и предвкушают небольшое развлечение. Сюда входят Тайгер, Миранда и юрист Карл. Они берут с подноса коктейли, болтают, совершенно не замечая витающего вокруг напряжения.

Наконец, группка Тофера: она тоже удивлена, но неприятно. Помощник Иниго напоминает ребенка, который испачкал новые туфли в собачьих экскрементах и теперь ждет отцовского нагоняя. Технарь Эллиот с упрямым выражением лица стоит в стороне, скрестив на груди руки. Он постукивает ногой и сверкает глазами из-под очков, будто только что проиграл партию в покер. Сам Тофер, до этого беседовавший с Лиз, вскакивает с дивана в явной тревоге. Я впервые вижу, как мальчишеское обаяние Тофера падает с лица, и понимаю, что за шармом и уверенностью есть что-то еще. Не знаю, правда, что именно. Возможно, эта гладкая поверхность скрывает испуганного мальчика? Или нечто другое, более опасное? На мгновение лицо Тофера искажается от гнева.

Ну и конечно, Лиз. К какому лагерю отнести ее? Она не вписывается ни в один – хотя, по-моему, знает, что происходит. Лицо у Лиз непроницаемое, очки отражают верхний свет, и выражения глаз не разобрать. Довольной она точно не выглядит. Наоборот, обнимает себя за плечи, будто защищается от удара.

– Минуточку, Ева! – Тофер пытается вернуть голосу обычные командные нотки.

Поздно – Ева оперативно ведет всех в кабинет, и Тоферу остается лишь проследовать туда же за Эллиотом или остаться в фойе.

– Ева, какого ч...

Дверь за ними закрывается.

Лиз

Снуп ID: ANON101

Слушает: не в сети

Снупписчики: 0

Ани выпускает нас внутрь, и меня охватывает паника. Кабинет маленький, темный.

Окна закрыты жалюзи. Свет поступает лишь из дверного проема и от логотипа «Снупа», спроецированного на стену. Картинка ярко-розовая, она придает лицам странный оттенок, как у горячего вареного окорока. Я устраиваюсь на диване. Кто-то мягко закрывает дверь. Атмосфера сгущается, сжимает меня, будто в кулаке.

Атмосфера, которой я не ощущала почти три года.

Деньги. Привилегированность. Амбиции.

Их запах столь же реален, как аромат дорогого эксклюзивного одеколона, который я заказывала для Тофера в маленькой парфюмерной мастерской в Париже, на бульваре Капуцинов. Приходилось объясняться на плохом французском, оставшемся в памяти со школьных времен, и я ужасно заикалась. Тофер до сих пор им пользуется, я ощущаю его запах через всю комнату.

Накатывает волна тревоги. Боюсь, меня сейчас вырвет.

– Тайгер, – говорит Ева, когда все расслаживаются, – орга-

низуешь короткую медитацию?

– Конечно!

Голос у Тайгер немного хриплый. Она оглядывает присутствующих.

– Примите удобное положение. Кому как нравится – можно сидеть, лежать, стоять, обниматься.

На последнем слове я вздрагиваю, но моя реакция лучше, чем насмешливое фырканье Карла. Ева награждает его убийственным взглядом, и Карл маскирует усмешку, ерзая на напольной подушке.

Тайгер зажмуривается. Шепчет:

– Закройте глаза... сконцентрируйтесь на себе, не спешите...

В кабинете наступает тишина. Я закрываю глаза и все равно чувствую себя в ловушке. Ощущение даже усиливается. Слева ко мне прижимается теплое плечо Иниго, справа – бедро Рика. Они не могут отодвинуться, диван мал для троих. Я потею. Ладони липкие. Мне ужасно неудобно. Не хочу здесь быть. Не хочу здесь быть!

– Поблагодарите себя, – вновь слышится низкий ласковый голос Тайгер. – Поблагодарите тело, оно привело вас сюда; кости, они несут ваш вес; мышцы, они обеспечивают поддержку; разум, он дарует свободу...

Не хочу я никого благодарить. Хочу *выйти*. Опять то ли скрипит, то ли шуршит подушка Карла. Я больше не могу, у меня клаустрофобия, это невыносимо. Приоткрываю глаза

в надежде немного развеять тревогу. Только собираюсь их закрыть, как замечаю, что не я одна подглядываю.

Тофер тоже открывает глаза. Изучает комнату, пытается понять, что за чертовщина творится. Наши взгляды встречаются. «Я тебя вижу». Он поднимает бровь. Я моментально зажимаюсь.

– Поблагодарите Вселенную, – продолжает Тайгер-Блю. – Она дарует вам радость существования, существования *здесь*; дарует это место, эти величественные горы, пусть лишь на несколько дней...

Рядом дышит Иниго – быстро, поверхностно. Я кошусь на него и вижу стиснутые зубы, подрагивающую щеку. Иниго не нравится происходящее так же, как и мне, а удивлен он явно не меньше Тофера. Я знаю, как Тофер реагирует на подобные сюрпризы, я ведь работала его личной помощницей. Иниго ждет скандал. Я ему сочувствую, но испытываю облегчение от того, что достанется не мне.

– И поблагодарите «Снуп», – нараспев декламирует Тайгер. – «Снуп» – это мы, и одновременно он больше нас. Поблагодарите его за то, кто мы есть, – за то, *что* у нас есть. За способность «Снупа» сводить людей вместе и наполнять нашу жизнь музыкой. За простые чудеса, которые он творит каждый день.

«Благодарю Господа за то, что больше не работаю в «Снупе», – только и могу думать я.

Непонятно, закончила ли Тайгер. Она вдруг умолкает.

Сердце стучит в горле. Лишь когда тишина становится нестерпимой, подхватывает Ева:

– Спасибо, Тайгер-Блю, прекрасная медитация. Она подводит к тому, что я хотела сказать. А хотела я поблагодарить вас за то, что вы сюда приехали, за все, что сделали для меня, Тофера, «Снупа» и музыки. Как пела группа «ABBA» – благодарю за музыку!

– Точно, точно! – восклицает Тофер.

Люди наконец открывают глаза. Тофер поднимает бокал, и каждый обязан выпить, хочет он того или нет. Я делаю глоток воды. Голову сдавливают обручем.

– Простите за незапланированное мероприятие, но я считаю, что этот недельный отдых просто обязан начаться с празднования наших побед, с *ваших*, ребята, достижений за последние четыре года, – продолжает Ева.

Она не смотрит в мою сторону, да и незачем – и без того ясно, что я здесь лишняя. Единственная не работаю в компании.

– Ани? – командует Ева.

Ани с кивком нажимает кнопку на ноутбуке, который держит на коленях. Раздается треск динамиков, и кабинет заполняет музыка. Стену напротив расцветчивают движущиеся картинки.

Я не могу сосредоточиться на фильме. Музыка чересчур громкая, бьет по макушке. Изображения слишком яркие, мелькают с невероятной скоростью. Какой-то дикий, лихо-

радочный калейдоскоп. Головная боль, которая потихоньку отступила, вернулась и запульсировала в висках. Лоб сдавливает все сильнее.

На экране вспыхивают и гаснут цифры, графики – прибыли и расходы, профили пользователей, конкуренты по темпам роста. Я прижимаю пальцы к глазам, закрываюсь от мельтешащих картинок, но от оглушительной музыки деться некуда. Одна песня сменяет другую в исступленном попури из лучших хитов «Снупа».

На этом фоне выступает Ева. Говорит об охвате социальных сетей и популярных блогах. Остальные хранят молчание. Я даже с закрытыми глазами ощущаю, как в другом конце комнаты закипает Тофер.

Музыка вдруг умолкает. Сразу становится легче, будто перестали кричать в ухо. Открываю глаза. На стене поверх логотипа «Снупа» светится одна-единственная схема. В ней полно цифр. Ева проходится по каждому элементу, объясняет. Проценты, прогнозы, эксплуатационные издержки – и в конце произносит это. Слово, которого мы все избегаем вот уже двенадцать часов.

Поглощение.

Обруч стискивает голову еще туже. Я не готова.

Ева рассказывает о предложении. О том, какие возможности оно принесет для расширения компании, для сотрудников, – но не успевает прокомментировать вторую таблицу, как вмешивается Тофер:

– Нет, черт возьми! Нет и еще раз нет, Ева!

– Что, прости?

Он вскакивает, голова попадает в луч проектора. Резкий профиль Тофера отпечатывается тенью на стене, а цифры замысловатой татуировкой накладываются ему на лицо.

– Это лишь одна сторона медали, о чем ты прекрасно осведомлена. Где бы мы сейчас были, если бы еще вначале передали свои сетевые адреса «Спотифаю», как он предлагал? Нигде, вот где! Стали бы очередным мелким стриминговым приложением, о котором никто не слышал, и...

– Тофер, тут совсем другое. – Ева стоит в стороне от луча проектора. Судя по голосу, едва сдерживается, но старается говорить убедительно. – Ты знаешь это.

– В чем же отличие? Я не собираюсь кончить как гребаный «Френдстер»! Помнишь такую социальную сеть?

– Если мы не обратимся за дополнительным финансированием, то кончим, скорее, принудительной ликвидацией! – огрызается Ева. Затем делает глубокий вдох. Пытается обуздать свой гнев. – Послушай, Тоф, у тебя и правда есть сильные аргументы, но, по-моему, сейчас не время и не место...

– Не время и не место?! – Тофер почти искрится от ярости.

Мне становится совсем не по себе. Память переносит в детство, я вижу нависшего над мамой отца, слышу его громкий голос. Крепко зажмуриваюсь. Меня бросает в дрожь.

– Это ведь *ты* решила начать неделю со своего пропаган-

дистского фильма!

– Ребята... – Диван справа пружинит, с него поднимается Рик.

Я открываю глаза. Он прокладывает себе дорогу сквозь подушки и бокалы, встает между спорщиками:

– Думаю, Ева просто хотела...

– Я отлично понимаю, чего хотела Ева! – кричит Тофер.

Я борюсь с желанием вновь закрыть уши руками.

– Она хочет нанести удар первой! Этого не будет!

– Тофер... – В голосе Евы звенят слезы, хотя я не уверена в их искренности.

Трудно определить, расстроена она по-настоящему или ведет стратегическую игру. Если притворяется, то очень убедительно.

– Тоф, *пожалуйста*... Я думала устроить праздник...

– Ты думала устроить засаду! – бросает Тофер.

– Нет, совсем нет, и в мыслях не было, – убежденно заявляет Ева.

Перегибает палку. Все понимают, что Ева лжет: слышится шорох, люди неуютно ерзают, стараются не смотреть друг на друга.

– Ребята! – в отчаянии взывает Рик. – Ребята, прошу вас, не начинайте неделю вот так. Нам нужно выйти из ситуации с решением, которое всех удовлетворит.

– Осчастливит?! – набрасывается на него Тофер. – Удовлетворит? Да при таком подходе нам повезет, если мы вый-

дем из ситуации живыми!

Он со звоном опускает пустой бокал на журнальный столик и выскакивает из кабинета.

Эрин

Слуп ID: LITTLEMY

Слушает: Loyle Carner «Damselfly»

Слупобъекты: 2

Слупписчики: 3

Появление Тофера застает меня врасплох. Я сервирую стол к ужину, постукивая ногой в такт музыке. По моим расчетам, гости закончат минут через десять, не раньше. Тофер подлетает к бару самообслуживания, сдергивает с полки бутылку виски. Я торопливо вынимаю наушники и улавливаю окончание фразы:

– ...заплатит по счетам, стерва нидерландская!

Что стряслось в кабинете?.. С минуту я смотрю в спину удаляющемуся Тоферу, и тут выходят остальные, притихшие и невеселые. Я веду их к столу, рассаживаю.

Большие стеклянные двери вестибюля, через которые убежал на улицу Тофер, продолжают раскачиваться. Куда его понесло? Он в джинсах и рубашке, а снаружи метель и одиннадцатиградусный мороз. В нашем маленьком селении нет ресторанов или баров. Сент-Антуан 2000 – не более чем горстка шале. Тем, кто хочет поужинать в заведении, нужно спускаться в Сент-Антуан-ле-Лак, там хватает магазинов, кафе и ресторанов на любой вкус. Спуск длинный, но

несложный: синяя лыжная трасса ведет прямо в центр деревни. Единственный способ вернуться сюда, наверх, – фуникулер, который в одиннадцать вечера закрывается.

Из больших динамиков в столовой звучит музыка, группа «1975», звонкая и веселая; видимо, кто-то включил для поднятия тонуса. Однако, когда я начинаю подавать миниатюрные запеканки из лесных грибов в фарфоровых ложечках, отсутствие Тофера ощущается как боль от ущемленного нерва. Запеканки идут хорошо – еда Дэнни всегда идет хорошо, – но из-за Тофера переживаю не только я, и атмосфера напряженная. В конце стола зияет пустое место, там должен сидеть Тофер в окружении Иниго и Миранды. Они обмениваются встревоженными взглядами при появлении каждого нового блюда – где же Тофер?

Эллиот сидит спиной к стене, ест с опущенной головой. Он ни с кем не разговаривает и отправляет в рот ложку за ложкой, словно участвует в соревновании. «Ложку за ложкой» в буквальном смысле слова. На закуску у нас трюфельный суп с пастернаком, поэтому ложка уместна, но, когда я пытаюсь убрать использованные приборы перед основным блюдом, Эллиот выхватывает ложку и смотрит так, будто я попыталась украсть у него часы. Он набрасывается с ложкой на принесенную оленину, игнорируя вилку и нож у своей тарелки. Между сменой блюд разглядывает сучки и кольца на деревянном столе, не замечает ни Тайгер слева, непринужденно болтающую с Мирандой, ни Карла справа – тот демон-

стративно не обращает внимания на Эллиота и клонится по-
дальше от него, поближе к Ани с Евой.

Ева во главе стола неохотно ковыряет еду вилкой, поглядывая то на часы, то за окно, на падающий снег. Лицо выражает ту самую тревогу, которую я стараюсь скрыть. В ответ на невинное замечание Карла Ева огрызается с такой зло-
стью, что меня передергивает. Но он, похоже, привык.

Лиз выглядит бледной и откровенно несчастной, словно заяц в свете фар. Она неизменно отказывается от предложенного вина. В какой-то момент Рик пробует вовлечь ее в беседу. Не знаю, что он говорит, не слышу. Лиз неистово качает головой, а когда Рик вновь открывает рот, выпаливает:

– Извини, мне нужно в туалет, – и стремительно отодвигает стул.

Тот громко скрежещет по плиткам пола.

После ее ухода Ева смотрит через стол на Рика, произносит губами нечто неразборчивое, похожее на: «Я предупреждала».

Даже крем-брюле Дэнни не в силах оживить вечер, и после ужина компания рассеивается: одни ссылаются на головную боль, другие – на желание выспаться, третьи – на необходимость отправить электронное письмо. Идя в гостиную подбросить дров в печь, я замечаю, что из бара в вестибюле исчезло еще две бутылки.

Судьба одной из них выясняется сразу: в гостиной на большом мягком диване сидят Рик с Мирандой, между ними

на столике – опустевшая бутылка арманьяка. Из динамиков льется кубинский джаз – видимо, с чьего-то телефона. В ответ на мой взгляд в сторону бутылки Рик широко улыбается.

– Вы ведь не против? Потом добавим в счет.

– Совсем не против, – искренне заверяю я. – Бар так и работает. Хотите чего-нибудь еще? Сыр? Кофе? Птифур? Дэнни готовит невероятный чернослив в шоколаде, пальчики оближешь. Очень вкусно под бренди.

Рик смотрит на Миранду, поднимает бровь. Это безмолвное совещание говорит об их отношениях куда красноречивей, чем любой физический контакт. Между ними что-то есть. Они больше чем просто коллеги, даже если сами того не сознают.

Рик отвечает за обоих:

– Ничего не нужно, спасибо.

– Не за что. Обращайтесь, если передумаете.

Я начинаю подбрасывать в огонь поленья, а Рик склоняется к Миранде и продолжает беседу, словно меня тут нет.

– Ты видела, *как* она на меня посмотрела, когда я заговорил с Лиз об акциях? Взглядом чуть дыру в рубашке не прожгла.

– Да уж. – Миранда сжимает пальцами виски. – Рик, чем ты думал? Ева четко дала понять...

– Да-да... – Рик ерошит короткие волосы, с досадой качает головой. – Просто меня взбесило ее поведение. Делает вид, будто понимает Лиз лучше других. Какого черта! Я

знаком с Лиз не меньше, чем Ева. Мы отлично ладили, пока гром не грянул.

– Да что стряслось-то? – спрашивает Миранда. – Я тогда еще не работала, не в курсе.

– А ты представь, что в то время мы совсем не имели капитала. Первые полгода трудились, считай, бесплатно. Никому из нас не платили. Эллиот не парился, он, по-моему, вообще деньги не тратил бы, если бы Тофер не заставлял. Эллиот еще со школы такой. Зато остальные переживали. Ева проматывала свои модельные сбережения как ненормальная. Тофер окончательно достал родителей, те лишили его содержания, и он кантовался у старых школьных друзей. Я днем работал в крупной аудиторской компании, а ночью в «Снупе» – и выгребал остатки кредитного лимита в банке. А Лиз была просто секретарем, откликнувшимся на онлайн-объявление, и с радостью пахала за мизерную зарплату. Одевалась не лучше, чем сейчас, как мормонская жена, но работала хорошо и не устраивала истерик по поводу паршивого съемного офиса без кондиционера, да еще и в Саут-Норвуде.

– Я не об этом спрашиваю. Как получилось, что от нее зависит...

– Я к тому и веду. За две недели до запуска у нас закончились деньги. Совсем. Мы оказались на мели – на полной мели – и без единой перспективы. Кредитки, овердрафты, друзья, родственники – все было выжато досуха; тем не менее, что-

бы остаться на плаву, требовалось еще десять тысяч. Тофер даже «Феррари» продал, но денег не хватило. Четыре дня мы просто катились к разорению: тонули в счетах и подписанных контрактах, получали отовсюду досудебные претензии и уведомления от приставов. Как вдруг, неожиданно-негаданно, крошка Лиз заявляет, что у нее недавно умерла бабушка и оставила в наследство десять тысяч фунтов. Лиз вложит их в «Снуп». Только ей нужны гарантии. Не процент, нет. Акции. Причем не просто акции, а акции с правом голоса. Мы поручили переговоры юристам, конечный результат был такой: тридцать процентов – Тоферу, тридцать – Еве, девятнадцать – Эллиоту, девятнадцать – мне, и два процента – Лиз.

– Два процента? – переспрашивает Миранда. – В компании без капитала и с сомнительной платежеспособностью? Слабые гарантии за десять тысяч.

– Возможно, кто-то с тобой согласился бы, – сухо произносит Рик. – А Лиз выиграла. Если поглощение состоится, ее десять тысяч превратятся в двенадцать миллионов.

От потрясения я роняю полено. Оно опрокидывает небольшую керамическую банку с растопкой. Банка разбивается с громким звоном, я перестаю дышать, готовая рассыпаться в извинениях, а Рик с Мирандой не обращают внимания и продолжают разговор. Я возвращаюсь к своему занятию и теперь орудую поленьями аккуратней.

– Ничего себе! – произносит Миранда и смеется.

Смеется удивленно, будто слышит эту цифру впервые.

– Я, конечно, знала, что условия поглощения выгодные, но... – Миранда что-то высчитывает в уме. – Если Лиз получит двенадцать, то твоя доля составит...

– Ты ведь дружишь с математикой, – отвечает Рик с кривой усмешкой. – В том-то и дело: *если* поглощение состоится. Инвесторы нервничают все сильнее, вряд ли они поддержат сбор нового финансирования. Если Тофер продолжит в том же духе и все испортит...

– Ну да. Ясно, – с горечью кивает Миранда. – Вернемся туда, откуда начали. Суд, банкротство... Ну, Лиз ведь не дура, правильно? Эллиот проголосует за Тофера, все это знают. Если Лиз пораскинет мозгами и проголосует за тебя и Еву, тогда – дзынь! – Миранда потирает в пальцах невидимые деньги.

– Да... Жаль только, что Ева – редкая стерва, – бормочет Рик. – За такую проголосовать нелегко, даже если это правильно.

Я стараюсь не подслушивать, но они разговаривают громче музыки. К тому времени, как керамические осколки собраны, я уже знаю больше, чем хотелось бы, о жутком отношении Евы к подчиненным, о нестабильности Тофера и шатком финансовом положении «Снупа». Я вздыхаю с облегчением, когда Рик с Мирандой переходят на другие темы: завтрашние планы покататься на лыжах, паршивый вай-фай, жена Рика, которая почему-то его огорчает. Вскоре музыку делают громче, и беседа становится неразборчивой.

Закончив возню у печи, я наконец встаю. Уставшая поясница ноет. До меня долетают слова Миранды:

– Наверное, ты прав. В этом случае придется ее заставить, верно?

Фраза продолжает звучать у меня в ушах, пока я тихонько закрываю за собой дверь и подхожу к окну в вестибюле. Снег все падает.

Придется ее *заставить*.

Кого они имели в виду? Лиз? Еву? Или кого-то совсем другого – жену Рика, например?

На первый взгляд слова как слова. Их произносят часто. Почему же меня так зацепила холодная решимость в голосе Миранды?

Лиз

Снуп ID: ANON101

Слушает: снупит за XTOPHER

Снупобъекты: 0

Снупписчики: 0

Двадцать три часа две минуты. Я в своем номере. Лежу в кровати, кутаюсь в халат, снуплю за Тофером. Не из желания слушать его музыку – обычно это что-нибудь странное, экспериментальное, клубное. Нет, я пытаюсь понять, все ли с ним хорошо.

В «Снупе» нет функции определения местоположения. Узнать, кто где живет, можно лишь в том случае, если человек сам добавит локацию в коротенькое описание возле своего ника. Тем не менее я надеюсь, что выбранная Тофером музыка даст подсказку о его душевном состоянии.

Не знаю, что я ожидала услышать. Печальное гитарное соло. Непрерывное воспроизведение песни «*All by Myself*». На самом же деле играет агрессивный испанский панк-рок. Или португальский... Так, и что это дает? Из хорошего – Тофер все-таки слушает музыку. Значит, он жив. Хотя, если подумать, не факт. Где гарантии, что телефон Тофера не вещает в ледяной канаве? Вздохнув, я сворачиваю приложение.

Воспоминание о нашем разговоре внизу, на диване, не от-

пускает – прямо как похмелье. Я знаю, куда клонил Тофер. Хотел пробудить во мне чувство вины. Напомнить обо всех своих благодеяниях.

От этой мысли я злюсь. Тофер – заносчивый мальчишка из элитной школы, которому повезло с отличной идеей и, что важнее, с мамочкой и папочкой, готовыми его спонсировать хотя бы первые годы. Полная противоположность мне. Богатый. Привилегированный. Уверенный.

Однако под моей злостью скрываются кое-какие неудобные факты. Ведь это Тофер дал шанс застенчивой, неуклюжей девушке двадцати с лишним лет, на которую раньше никто не обращал внимания. Девушке из Кроли, пахнувшей благотворительными магазинами, одеждой с чужого плеча и отчаянием, – за всем этим он разглядел личность, меня *настоящую*, упорную, решительную, готовую выкладываться на сто десять процентов.

Самое главное, когда я предложила вложить бабушкины деньги в «Снуп», именно Тофер посоветовал мне требовать акции, а не проценты за пользование капиталом. Рик и Ева меня отговаривали. Рассказывали о ненадежности подобного вложения, о том, что «Снуп» может прогореть. Тофер же настаивал – для тебя выгоднее иметь акции. И был прав.

Именно из-за Тофера я сегодня здесь. До сих пор не знаю, благодарить его за это или обвинять. Наверное, и то, и другое.

Девушка из шале – Эрин – сказала, что фуникулер выклю-

чают в одиннадцать. Значит, если Тофер на него успел, то скоро будет тут. В том-то и вопрос. Успел ли Тофер?

Я беспокоюсь выглядывая в окно, на кружащие снежинки. По прогнозу, ночью минус двадцать. В такой мороз люди умирают.

Я вздрагиваю от стука в дверь. Затягиваю пояс халата и поворачиваю замок. Сердце выскакивает из груди.

Это Ева.

– Лиз, можно войти?

Она сменила белое шерстяное платье на эластичные лосины, подчеркивающие фантастически длинные ноги. За ней, точно нефтяное пятно, плывет аромат духов. Крепкий, очень навязчивый. «Пуазон», кажется.

– М-м... ладно, – киваю я, скрывая досаду.

Чувствую себя в ловушке и не хочу впускать Еву в номер, но не представляю, как ей отказать.

Она проходит к окну и останавливается спиной ко мне, глядя на заснеженную долину. Я замечаю приоткрытую дверцу шкафа, в щель видны плечики с некрасивой измятой одеждой и два моих чемодана. Большой чемодан немного торчит, мешает дверце закрыться. Задвигаю его ногой поглубже.

Дверца хлопает, и Ева тут же оборачивается.

– У тебя все в порядке? – спрашивает отрывисто.

Я теряюсь. Что отвечать? Хотя она, наверное, спрашивает из вежливости, я все равно не привыкла, чтобы люди, осо-

бенно Ева, мною интересовались. Чувствую себя от этого голой. Я не могу придумать ответа, да ей он и не нужен, она продолжает:

– Хочу извиниться за эту неожиданную презентацию. Я боялась включать ее в расписание, думала, Тофер перехватит инициативу...

Вот оно что. Ева пришла вновь меня убеждать.

– Ева, прошу... – Головная боль, утихшая после ужина, возвращается. В голове стучит в унисон с сердцем. – Пожалуйста, давай не сейчас...

– Не переживай. – Ева берет мои ладони в свои, холодные и сильные. – Я прекрасно понимаю. На твоём месте я тоже разрывалась бы на части. Ты преданна Тоферу, я понимаю, конечно. Все понимают. Хотя мы обе в курсе...

Она умолкает. Продолжать не обязательно.

Еве вообще не нужно излагать доводы. За нее это делают факты.

У меня двенадцать миллионов причин проголосовать вместе с Евой. Ей незачем сочинять двенадцать миллионов первую.

– Да, – шепчу я. – Ева, все верно. Просто Тофер...

Тофер, который предоставил мне первый в жизни шанс, посоветовал настаивать на акциях. Разве можно сказать Тоферу, что я предаю его? Я впервые осознаю – мне страшно.

– Лиз, ты знаешь, как хочешь поступить; знаешь, как поступить необходимо... – Голос у Евы приторно-ласковый,

она словно уговаривает перепуганного ребенка. – Я всегда тебе помогала, правда? Мы с тобой всегда друг о друге заботились, да?

Вспоминается вопрос Рика за ужином. Вопрос, вынудивший меня отодвинуть стул и выйти из комнаты. «Ну что, Лиз, как распорядишься полученной выплатой?» Очень дерзко, в лоб, с недвусмысленным намеком.

Ева действует более последовательно. Она знает, что эти деньги приводят меня в ужас. Для человека, который рос в бедности и прятал от игрока-отца последние пенни, двенадцать миллионов – невообразимая сумма. Умопомрачительная. Судьбоносная.

Ева не сомневается – убедят меня не деньги, а кое-что другое. Личное, наше с ней – напоминание о совместном прошлом. Ведь я была ее помощницей – в те времена, когда «Снуп» не мог себе позволить двух ассистентов. Перед Евой я в таком же долгу, как и перед Тофером. Даже в большем.

На самом деле ей известно то, что понимают Рик с Карлом и признают все, кроме Тофера с Эллиотом: нет у меня никакого выбора.

У данной проблемы существует лишь одно разумное решение. На первой чаше весов лежит моя преданность Тоферу, а на второй – не только двенадцать миллионов фунтов, но и нечто совсем иное. Перспектива новой жизни. По большому счету, на кон поставлена моя свобода. Свобода от работы, от тревог, от вечной осмотрительности. Свобода от многого.

– Верно, Ева, – говорю я очень тихо. – Я все знаю. Просто... просто мне тяжело.

– Конечно. – Она вновь сжимает мою руку холодными пальцами, настойчиво и многозначительно. – Конечно, тяжело. Я тоже преданна Тофу. Разумеется, преданна. Все же я могу на тебя рассчитывать, да?

– Да, – отвечаю я и едва слышу собственный голос. – Да, можешь.

– Хорошо. – Ева расцветает красивой улыбкой. Фирменной улыбкой, которая раньше сияла с тысяч билбордов и подиумов по всей Европе. – Спасибо, Лиз, я понимаю, что это значит. Ты тоже можешь на меня рассчитывать. Будем друг другу помогать, правда?

Я киваю, Ева небрежно меня обнимает и уходит.

Открываю окно, чтобы выветрить ее запах. Высовываюсь наружу и даю волю чувствам. Мучительная тревога, запертая в груди, тут же разрастается до необъятных размеров, накрывает меня с головой. Я представляю собрание, как мы голосуем, я поднимаю руку за поглощение, мысленно вижу лицо Тофера, осознающего мое предательство... Затем представляю последствия, если я не подниму руку, и мне становится совсем противно.

Потому что Ева права. Выбора действительно нет. Я знаю, как должна поступить. Нужно лишь проявить мужество.

Стоит принять решение, как на меня снисходит удивительный покой.

Все будет хорошо. Хорошо.

Я закрываю окно. Возвращаюсь в постель и выключаю «Снуп». Затихаю. Слушаю шепот снега. Он падает на балкон, выстилает землю, стирает все.

Эрин

Снуп ID: LITTLEMY

Слушает: снупит за ITSSIOUXSIE

Снупобъекты: 5

Снупписчики: 7

Срабатывает будильник, и я с усилием выбираюсь из глубокого кошмарного сна.

В нем я рою, рою, рою слежавшийся снег, руки немеют от холода, мышцы дрожат, горячая кровь стекает по шее. Я знаю, что найду, – одновременно и жажду этого, и очень боюсь. Просыпаюсь, не успев достичь цели.

Какое облегчение открыть глаза и оказаться в своей маленькой комнате, услышать визжащий будильник... Отключаю его на ощупь. Часы показывают 6:01. Я лежу, сонно моргаю, пытаюсь стряхнуть неприятные ощущения после кошмара.

Выходные не отменяют раннего подъема. Мы с Дэнни чередуемся: один встает в шесть часов, включает кофеварку, начинает готовить завтрак и убирать после вчерашнего, а другой, условно говоря, валяется в постели. Сегодня – моя утренняя смена, и я борюсь с зевотой, сползая с кровати и натягивая одежду. У некоторых на высоте развивается бессонница. Не мой случай. У меня наоборот.

Проходя мимо номера Тофера, я замедляю шаги, прислушиваюсь. Вернулся ли он? Я оставила входные двери незапертыми, а когда ночью спустилась проверить, то увидела в фойе чьи-то следы.

Я стою не дыша, вся обращаюсь в слух, как вдруг тишину разрывает мощный храп. Вздрагиваю от неожиданности, потом хихикаю. Кто-то в номере точно есть, даже если это и не Тофер.

Внизу тихо, за стеклянной дверцей печки светятся тлеющие угли. Я открываю душник, подкладываю в золу поленья и принимаюсь за уборку.

Снуперы ничуть не хуже других отдыхающих, но сегодня мне почему-то особенно досадно выливать бренди тридцатилетней выдержки в раковину и отскребать камамбер с ковра в столовой. Мало того, внутри шале кто-то курил, несмотря на запрет, – из блюда с любовно приготовленными птифурками торчит окуроч. Он-то, наверное, и выводит меня из себя. Я помню, как Дэнни готовил эти миниатюрные миндальные флорентини: смешивал ингредиенты, выпекал печенья, бережно окунал в тщательно темперированный шоколад, выкладывал на тарелку... Обращался с ними, как с крошечными произведениями искусства, и совершенно справедливо. А кто-то использовал их как пепельницу.

Я еще довольно долго плаваю в облаке злости, хотя к семи часам настроение немного поднимается. Комнаты убраны, в печи потрескивает огонь, разогретая духовка готова к при-

ему сосисок, на столе мюсли в глубокой хрустальной салатнице, рядом – большие кувшины со свежавыжатым соком и кувшины поменьше, с молоком и сливками. Сверху по-прежнему не долетает ни звука. Значит, можно позволить себе посидеть десять минут с кофе и телефоном. Обычно я проверяю снежный прогноз или читаю «Твиттер», сегодня же рука сама тянется к значку «Снупа». Я лениво листаю список любимых артистов, пью кофе, смотрю, кто онлайн, кто что слушает. Здесь есть выдающиеся люди, настоящие звезды и просто весьма интересные личности, и Дэнни прав, ощущения невероятные, прямо-таки завораживающие: в наушниках – песня, которую звезда слушает в данный момент, и вы друг с другом синхронизированы, такт в такт... В Нью-Йорке полночь, у народа играют в основном спокойные композиции, которые меня в такую рань не слишком вдохновляют. Затем я натываюсь на небольшой классный канал британских знаменитостей, все уже бодры и веселы. Надо же, в шесть утра по Британии. Чего не спится? Возможно, они всегда в это время встают.

Я принимаюсь за мытье сервировочных мисок, слишком больших для посудомоечной машины, и притопываю в такт композиции «*Rockaway Beach*» рок-группы «*Ramones*». Неожиданно звук начинает прерываться. Пока я достаю телефон из кармана и проверяю наушники, песня умолкает совсем. Черт. Смотрю на экран. Вай-фай по-прежнему показывает сильный сигнал, но при нажатии на иконку «Снупа»

всплывает сообщение: «Мы не можем получить удовлетворения. (Проверьте подключение к интернету)»³.

Жаль. Я возвращаюсь к посуде, теперь уже в тишине. Успеваю вымыть пару тарелок, и тут в окно справа стучат. Это Жак из пекарни в долине, принес багеты и огромный пакет круассанов. Я стягиваю резиновые перчатки и отпираю дверь, выдыхая белое облако в холодный утренний воздух.

– *Salut, ma belle*⁴, – здоровается Жак.

Не вынимая изо рта сигареты, вручает мне хлеб, затягивается «Житаном» и отворачивается выпустить дым.

– Привет, Жак, – отвечаю по-французски. Говорю я на нем не идеально, однако беседу поддержать могу. – Спасибо. Что скажешь про погоду, какой прогноз?

– О, прогноз не очень, – тоже по-французски сообщает Жак и, вновь затянувшись, задумчиво смотрит в небо.

Жак – один из немногих местных уроженцев. Народ во-круг в основном приезжий: либо туристы, либо сезонные работники. Жак здесь вырос и прожил всю жизнь, его отец владеет пекарней в Сент-Антуан-ле-Лак. Через несколько лет он выйдет на пенсию, и Жак его сменит.

– Как думаешь, удастся сегодня покататься на лыжах? – спрашиваю я.

Жак пожимает плечами.

³ Вероятно, отсылка к словам песни «The Rolling Stones» «(I Can't get No) Satisfaction».

⁴ Привет, красавица (*фр.*).

– Разве что утром. Днем же... – Подняв руку, он вертит ладонью вправо-влево. Жест, которым французы обозначают неопределенность. – Будет сильный снегопад. Видишь, какие тучи над Дамой?

Дама – это Ле Дам Бланш, высокая гора, которая нависает над долиной и отбрасывает почти постоянную тень на шале. Жак прав, тучи действительно внушительные – темные, грозные.

– Тучи – полбеды, – продолжает он. – Хуже всего ветер. Он мешает ребятам из лавинной службы запускать небольшие лавины, понимаешь?

Киваю. Я видела, как это делают в ясную погоду: подрывают заряды на склонах, чтобы снег сходил безопасно, маленькими порциями и не накапливался до критической массы. Не знаю, как именно закладывают взрывчатку. Иногда используют вертолеты, а иногда, по-моему, какие-то пушки. В любом случае понятно, что ветер делает процесс опасным и непредсказуемым.

– Думаешь, возможны лавины? – Я стараюсь не выдать беспокойства.

Жак вновь пожимает плечами.

– Серьезные? Вряд ли. Но днем часть склонов точно закроют, и кататься вне трассы я бы не рекомендовал.

– Я не катаюсь вне трассы, – сообщаю коротко.

Да, больше не катаюсь.

Он отвечает не сразу. Задумчиво оглядывает склоны, за-

тем выпускает кольцо дыма. Кивает.

– Ладно, мне пора. До встречи, Эрин. – И направляется к фуникулеру.

Мягкий свежавыпавший снег скрипит у Жака под ногами. Я смотрю ему вслед, и внутри все сжимается, меня вновь пробирает страх, навешанный ночным кошмаром.

Возвращаюсь в теплую кухню, выкладываю хлеб на стол – и вздрагиваю от неожиданности, когда за спиной раздается хриплый сонный голос:

– Месье Булочка, сын булочника?

Возле стойки в ярком утреннем свете жмурится Дэнни.

– Господи! – Я прикладываю руку к груди. – Ты меня напугал. Да, приходил Жак. Он говорит, будет еще снег.

– Издеваешься? – Дэнни чешет щетину. – Такими темпами на небе вообще снега не останется. На лыжах покататься получится?

– Вроде бы. По мнению Жака, сегодня до обеда – да. Потом трассы могут закрыть, опасность схода лавин.

– Уже оранжевый, – замечает Дэнни.

Он имеет в виду шкалу, публикуемую «Метео-Франс». Оранжевый цвет соответствует третьему уровню, «значительному риску» схода лавин. При этом кататься вне трасс не рекомендуют, а самые крутые склоны закрывают. При красном, четвертом, уровне начинают закрывать весь курорт. Черный, уровень пять, – опасность для поселений и дорог. Черный уровень – это что-то вроде «убедитесь, что ваш по-

следний прием пищи был плотным», хотя лавинная служба старается не допускать подобных ситуаций. По возможности.

Я беру поднос с кофейными чашками, и тут Дэнни небрежно интересуется:

– Кто такой Уилл?

Шок. Я оступаюсь, две чашки соскальзывают с подноса на пол и разбиваются. К тому времени, как мы с Дэнни заканчиваем собирать осколки, я прихожу в себя и могу ответить.

– В смысле? Здесь нет никаких Уиллов.

– Тебе что-то снилось ночью. Ты кричала, звала Уилла. Я слышал за стеной. Меня это разбудило.

Черт!

– Хм, странно. – Мой голос звучит легко, слегка удивленно. – Прости. Кошмар, наверное.

Прежде чем Дэнни разовьет тему, я выхожу из кухни. Несу поднос в столовую, руки почти не дрожат. Принимаюсь за сервировку большого деревянного стола к завтраку. Когдаставляю последние баночки с консервами, с лестницы доносится стук каблуков. Я поднимаю голову – Ева. Явно не в духе.

– Доброе утро, – говорю.

– Доброе, что с интернетом? – бросает она без всяких предисловий.

У меня екает сердце. Черт. Я-то надеялась, что проблема временная.

– О боже, как неприятно. До сих пор не работает?

– Не работает. И мобильная связь ужасная.

– Очень жаль, это из-за снега. Такое случается. Наверное, обрыв кабеля, или поломка ретранслятора, или еще что-нибудь. Часто бывает после сильного снегопада, а вчера снега насыпало немало.

Я машу рукой в сторону окна, где снег местами доходит до половины стекла.

– Мне не нужна научная справка, я хочу знать, когда все восстановят?

Тон резкий, неоправданно злой. Тон человека, который в ответ на свое повеление «прыгай» привык слышать «на какую высоту?». По сути, меня это не волнует – я даже предпочитаю людей, которые обозначают желания четко, а не улыбаются тебе всю неделю, а потом пишут гадкие подробные отзывы. В данном же случае решить проблему я не в силах – и подозреваю, что Еве это не понравится.

– Не знаю. – Я скрещиваю руки. – Простите. Обычно восстанавливают за день-два, точно не скажу.

– Вот черт!

Ева злится и не скрывает этого, хотя тут что-то еще. Судя по лицу, она очень нервничает и переживает – вряд ли подобные чувства вызвало отсутствие связи.

– Мне очень жаль, – повторяю. – Если бы я могла чем-то помочь... Проблемы с работой?

– С работой? – Ева резко выпрямляется, затем качает го-

ловой и издает короткий горький смешок. – Господи, нет. Все мои рабочие проблемы заключены в одном слове – Тофер. Нет, проблемы дома. Я... – Она вздыхает, приглаживает шелковистые светлые волосы. – Это, может, и ерунда, но в отъезде я по утрам звоню по «Скайпу» дочери, Рэдиссон. Наш маленький ритуал, понимаете? Мне приходится часто быть в разъездах, я провожу с ней не так уж много времени, и одно неизменно: за завтраком я всегда желаю Рэдиссон доброго утра. А сегодня не могу этого сделать и чувствую себя ужасно. Я сумела дозвониться до мужа, но, знаете, малыши не очень-то понимают телефоны. Рэдиссон всего полтора года, ей нужно видеть лицо.

– Понимаю, – мягко откликаюсь я. – Представляю, как вам тяжело от нее уезжать.

– Спасибо, – отрывисто бросает Ева.

Быстро моргает и отворачивается под предлогом налить кипятка из бойлера. Похоже, сердится на себя за проявление слабости. Теперь Ева вызывает у меня чуть больше симпатии. Под ледяным фасадом определенно скрывается живой человек.

Ева опускает чайный пакетик в кипяток и, не проронив ни единого слова, уходит в номер.

Следующими внизу появляются Тофер, Рик и Карл, примерно через полчаса, и при виде этой троицы у меня с души падает камень. Точнее – при виде Тофера. Выглядит он сонным и похмельным, зато живым и невредимым, а остальное

уже не моя ответственность.

– В общем, гулял не ты один, – говорит Карл Тоферу. – Иниго приполз в номер под утро, часам к пяти.

– Господи, опять?! – закатывает глаза Тофер. – Чем только Ева думает?

Ева? Упоминание о ней меня задевает, сама не знаю почему. В конце концов, это не мое дело. Хотя неприятно слышать подобные намеки на фоне переживаний Евы из-за семьи. Неужели Тофер прав? Или просто мутит воду?

– Хештег «любительница мальчиков», – с ухмылкой выдает Карл.

Он берет со шведского стола теплый круассан и макает прямо в банку с золотистым абрикосовым вареньем, любовно приготовленным Дэнни. Отхватывает зубами большой кусок, продолжая улыбаться и роняя крошки.

– Хештег? – презрительно роняет Рик. На нем черная мерининовая водолазка, он будто сошел со страницы зимнего каталога элитной мужской одежды. – Любительница мальчиков? Кажется, я попал в студенческую общагу две тысячи пятого года.

Затем Рик поворачивается ко мне с подчеркнуто обворожительной улыбкой, от которой в уголках губ собираются морщинки:

– Я выпил бы эспresso, Эрин. Если можно.

Ответный взгляд Карла полон испепеляющей ненависти, ее силу ощущаю даже я в другом конце столовой.

Вот вроде бы классическое свинство – более молодой, стройный и красивый мужчина высмеивает своего менее стильного коллегу. Однако у меня складывается впечатление, что Рика во фразе Карла возмущает выбор не слов, а темы для обсуждения. Удивительно, но Рик нравится мне все больше и больше. Его отношение к Еве – да и Миранде тоже – приятно отличается от злобного мальчишеского хихиканья Карла с Тофером.

– Ну что, готовы встать на лыжи? – раздается голос наверху лестницы.

Я поднимаю голову навстречу спускающейся Миранде. Ее темные волосы собраны в узел на затылке, вид очень деловой. Она замечает, что я делаю Рикку эспрессо, и говорит:

– Доброе утро, Эрин. Мне, пожалуйста, кортадо с миндальным молоком. Как прогноз?

– Днем опять будет снег, – отвечаю. – Местные опасаются схода лавин, а значит, часть трасс закроют. Если хотите кататься, отправляйтесь утром, вот вам мой совет.

– Ева не обрадуется, – бросает Карл. – У нее на утро запланирована куча презентаций.

– Еве придется потерпеть, – кисло заявляет Тофер.

Он кидает в рот две белые таблетки и запивает их водой из собственной металлической бутылки. Массирует переносицу.

– Я ехал в такую даль не для того, чтобы всю неделю сидеть в конференц-зале и слушать занудство про инвесторов.

Пусть Ева раздает свои бумажки после обеда.

– Думаю, она без проблем изменит расписание, – успокаивает Миранда. – Разрядка всем пойдет на пользу. Я жду не дожусь, когда застегну лыжи.

Она – типичная лыжница. Худая, но сильная. Тофер больше похож на сноубордиста, поэтому меня не удивляет его вопрос:

– Как тут снег за пределами трасс, Ирен? Есть хороший пухляк⁵?

То, что обращаются ко мне, я понимаю не сразу – одновременно с шипением Миранды в сторону Тофера:

– Ее зовут Эрин!

Моя улыбка призвана показать, что мне все равно. Ирен, Эйлин, Эмма – один черт. В обслуживающем персонале редко видят человека. К роботу с высокоразвитым искусственным интеллектом Тофер относился бы с таким же вежливым равнодушием.

– Снег сейчас, наверное, потрясающий, – вставляет Рик. – Покажете нам интересные маршруты для фрирайда, Эрин?

Я бледнею и лихорадочно подыскиваю ответ. Меня спасает появление Дэнни с огромным блюдом сэндвичей с беконом.

– Эрин у нас трусишка, она за пределы трассы не суется, – с ухмылкой заявляет Дэнни. – Зато я готов показать вам классные маршруты. Правда, не сегодня.

⁵ Пухляк – недавно выпавший нетронутый снег.

– Почему не сегодня? – хмурится Тофер.

– Высокий риск схода лавин, – говорю я, пытаюсь успокоиться. – Через день-другой спасатели проведут контролируемые взрывы, и тогда можно будет кататься.

Если честно, я понятия не имею, можно ли будет кататься, но пессимистов никто не любит, а спасатели действительно когда-нибудь доберутся до склонов и расчистят их.

– Значит, так и спланируем, – энергично кивает Тофер и откусывает сэндвич.

– Что спланируем?

Голос звучит со стороны гостиной, мы дружно поворачиваемся и видим Еву. В руках у нее внушительная стопка папок и ноутбук, вид собранный.

– По словам Эрин, сегодня удастся покататься только утром, – тут же поясняет Рик. – Вот мы и думаем отложить финансовую презентацию и остальное, перенести на вторую половину дня.

Он говорит быстро – видимо, чтобы не дать Тоферу сообщить то же самое, но менее дипломатично.

Ева застывает в дверном проеме. Обдумывает, устраивать ли скандал. Затем смотрит на часы и пожимает плечами:

– Ладно. Сейчас половина девятого. Может, презентацию все же проведем? Это займет не больше получаса, и если мы выдвинемся сразу после нее, то успеем на первый подъемник.

– Как по мне, чем скорее, тем лучше, – заявляет Тофер. –

Позавтракаем в кабинете. Где остальной народ, мать его?!

– Здесь. – В столовую входит Тайгер. – Простите, я вас задержала?

Она бледная и помятая, короткие волосы торчат во все стороны, будто Тайгер не успела причесаться.

– Да, – отвечает Тофер.

Одновременно с ним Миранда произносит:

– Нет, еще не все собрались.

– Готова выйти на пухляк, Тайгер? – спрашивает Тофер.

Из кухни доносится шум – Дэнни давится смехом. Я наклоняюсь к кофеварке, чтобы скрыть собственную ухмылку.

– Что? – Тайгер трет глаза, словно ей больно смотреть на утренний свет. – Не поняла.

– Готова встать на сноуборд?

– А, да, конечно.

– Ты выглядишь хуже Тофера, – откровенно говорит Ева. Тайгер смеется, бросив неуверенный взгляд на Тофера.

– Я плохо спала. Мучилась бессонницей до утра.

– Это высота, – кивает Ева. – Может вызывать бессонницу. Я всегда в первые ночи принимаю снотворное.

Ответа Тайгер я не слышу – меня отводит в сторону Тофер.

– Прокатные лыжи тут?

– Да, ждут в шкафчиках.

Лыжный магазин расположен внизу, в деревне, и мы заранее доставляем оттуда снаряжение. Впрочем, большинство

гостей приехали экипированными. Прокат заказали только Лиз, Ани и Карл.

– Давайте покажу вам маршрут, которым лучше всего возвращаться в шале, – предлагаю я. – Там замечательный спуск, но по карте не совсем понятно. Нужно будет проехать немного между двумя трассами.

– Это не опасно? – обеспокоенно спрашивает Карл. – Вы же сами говорите, что покидать трассу не стоит.

– Нет-нет, – торопливо заверяю я. – Совершенно не опасно. Просека отлично накатана, вполне может считаться трассой. Единственное – она не отмечена на карте подъемников. Нужно знать, где сойти с Бланш-Неж, и проехать между деревьями, иначе вы спуститесь до самого Сент-Антуан-ле-Лак, и в шале придется подниматься на фуникулере.

– Новичкам туда можно? – не унимается Карл.

– На просеку? Конечно. Это эквивалент зеленой трассы. Вы вообще катались на лыжах?

– Много лет назад. – Он оглядывается.

Тофер с остальными уже в кабинете, запускают презентацию, и мы с Карлом одни.

– Строго *entre nous*⁶, – жалобно сообщает Карл, понизив голос. – Я бы лучше выколол себе глаз коктейльной шпателькой, чем отправился отдыхать на горнолыжный курорт. Такова плата за работу в «Снупе». Тофер помешан на сноуборде, Ева практически профессиональная лыжница, и они ко-

⁶ Между нами (*фр.*).

мандуют парадом. Остальные вынуждены мириться.

Я киваю, будто мы ведем пустую беседу. По правде говоря, этот экскурс в закулисы «Снупа» странным образом завораживает. В компании пять акционеров, а в повседневной жизни заправляют всем Тофер и Ева, причем деспотично.

Интереса добавляет тот факт, что в кои-то веки расстановка сил нарушилась и власть оказалась в руках третьего человека. В споре про поглощение один из них – либо Ева, либо Тофер – проиграет. Вопрос лишь – кто?

Лиз

Слуп ID: ANON101

Слушает: не в сети

Слупписчики: 0

– Ну вот. – Рик закрывает слайд презентации и щелкает по выключателю. – Все. Можно идти переодеваться в лыжный костюм.

Я тру глаза. Голова опять болит. Встаю, одергиваю лосины. Вокруг шуршат кресла-мешки, трещат диванные пружины – народ тоже поднимается на ноги.

– Секундочку, – произносит Тофер. Голос у него вкрадчивый. – Не могли бы акционеры чуть-чуть задержаться?

Внутри все обрывается. Кто-то недовольно ворчит. Ани, Иниго, Карл, Миранда и Тайгер тянутся к выходу.

Вскоре в кабинете остаются лишь Тофер, Ева, Рик, Эллиот... и я.

О боже. Дыхание перехватывает. О боже, боже, боже... сейчас они спросят, и придется... придется...

– Послушай, – говорит Ева. – Думаю, суровая реальность сухих цифр, представленных Риком, понятна каждому. Картина очевидная. Наши накладные расходы...

– Не вижу смысла это обсуждать, – отмахивается Тофер, словно прибыли с убытками не имеют никакого значения. –

Читать ведомости мы умеем, а Рик донес свою точку зрения весьма профессионально. Перед тем как пойти кататься, предлагаю устроить предварительное голосование. Это будет полезно.

Я начинаю дышать чаще. Головная боль усиливается, давит на глаза, зрение туманится.

– Тофер, – возражает Ева, – ты прекрасно знаешь, что у нас пока нет всей информации. За эту неделю мы как раз должны взвесить...

– Потому я и употребил слово «предварительное», – перебивает Тофер с ноткой злости в голосе. – Такое голосование ни к чему не обязывает. Простой опрос, для оценки ситуации. Возможно, мы уже достигли согласия?

Ева не отвечает. Бросает взгляд на меня. Я догадываюсь о ее мыслях, она не видит способа отвлечь Тофера. Если ему в голову что-то взбрело, он становится упрямым как осел. Давит, давит, давит...

Эллиот, естественно, тоже ничего не говорит, но мы знаем, что означает его молчание, – поддержку Тофера. Как обычно. Эллиота интересует лишь программирование, во всем остальном он полагается на друга.

– Рик? – сердито роняет Ева.

– Почему бы и нет? – отвечает Рик.

Его уступчивость меня удивляет.

– Итак, – уже мягче продолжает Тофер. – Неформальное голосование. Кто за поглощение?

– Я, – произносит Рик.

– И я, – добавляет Ева.

Тишина, все напряженно ждут. Когда Тофер заговаривает вновь, он явно доволен. Мурлычет, словно кот при виде сливок.

– Отлично. Кто против?

– Я. – В монотонном исполнении Эллиота это почему-то звучит категорично.

– И я, понятное дело, – кивает Тофер.

Вновь тишина. Наконец он спрашивает с наигранной беспечностью:

– А... м-м, как голосуешь ты, Лиз?

Я сглатываю. Твердый комок в горле не дает нормально дышать, а я вдруг вспоминаю, что за сегодня еще не произнесла ни слова. Никто не обращался ко мне за завтраком. Никто не спрашивал моего мнения на собрании. Я не доверяю собственному голосу.

– Лиз? – зовет Ева.

Она честно старается на меня не давить, хотя близка ко взрыву.

– Я... – После долгого молчания изо рта вырывается карканье, я вновь сглатываю в тщетной попытке избавиться от кома в горле, который сейчас меня задушит. – Не знаю...

– Ну же, Лиз, – вроде бы участливо вставляет Рик, но в его тоне тоже звучит нетерпение. – Прислушайся к себе. Хочешь двенадцать миллионов, да или нет? Вопрос несложный.

– Или, – вмешивается Тофер, – ты хочешь акции, стоимость которых взлетит гораздо выше, если мы сохраним контроль над компанией и сделаем ее публичной?

– Если мы сохраним контроль и сумеем остаться *платежеспособными*, – парирует Рик.

– Твою ж мать, Рик! – рявкает Тофер.

Паника нарастает, будто медленная и неумолимая химическая реакция. Однако взрыва не происходит – между спорщиками встает, раскинув руки, Ева.

– Ребята, ребята, тише. Мы еще рассмотрим вопрос о выпуске акций на фондовый рынок, всему свое время. Лиз, правильно ли я понимаю, что ты пока не определилась?

Я не в силах говорить, лишь мотаю головой. Жест можно трактовать и как «да», и как «нет». Ева подходит ко мне с улыбкой, берет за руку. Ободрающе сжимает, обдавая ароматом духов, приторным и навязчивым.

– Ничего страшного. Что ж, предлагаю сейчас покататься на лыжах, а после обеда подробно обсудить презентацию Рика. Договорились?

Все кивают, согласно бормочут, затем Тофер, Эллиот и Рик уходят.

Я встаю на дрожащих ногах, готовая выскользнуть из кабинета. Меня останавливает Ева.

– Лиз, погоди секунду. Что с тобой?

Я целую минуту молчу, наконец решаюсь произнести:

– Я... прости, Ева, мы вчера поговорили, и я пообещала,

да, я... я все сделаю... просто...

– Ну конечно. – Ева кладет ладонь мне на руку, якобы успокаивая, а на самом деле не давая уйти. – Очень хорошо понимаю.

– Просто... – Я выглядываю за дверь, не услышит ли Тофер, но его, слава богу, нет. – Мне трудно объявить во всеуслышание, понимаешь?

– Еще бы. Вас многое связывает. Я согласна с тобой, Тофер воспримет это как предательство, хотя твое решение и будет разумным.

– Я...

Сглатываю. Дело в том, что мне страшно. Я не хочу делиться своими страхами с Евой, не хочу выглядеть глупой истеричкой.

Ева смотрит на меня озабоченно, и я ее понимаю. Она гадает, сдержу ли я обещание. Впрочем, я уже определилась. Вновь призываю ощущение фатального покоя, которое снизошло на меня ночью, вспоминаю свои тогдашние чувства: уверенность, невозмутимую решимость. На душе становится немного легче. Я, как и Тофер, умею быть твердой.

– Не переживай, Ева. – Теперь мой голос звучит увереннее. – Я тебя не подведу. Только... дай собраться с духом.

Лицо Евы проясняется, она сочувственно хлопает меня по руке – мол, я с тобой. Говорит:

– Да, Тофер разозлится. Не буду лукавить, разозлится. Мне это тоже не доставляет удовольствия. Хотя он поймет.

В том-то и дело, что Тофер не поймет. То, что я намерена сделать, можно воспринимать лишь как огромное предательство. Тем не менее выбора у меня нет. Придется идти до конца.

Эрин

Слуп ID: LITTLEMY

Слушает: не в сети

Слупписчики: 10

– Итак, – обращаюсь я к собравшейся перед шале группке, которая возится с лыжными креплениями. – Расскажу вам немного о местности. По этой тропе, слева, вы пришли от фуникулера к шале. Если вернетесь по ней наверх, увидите фуникулер и длинную трассу. Уровень сложности – синий, для новичков она годится и ведет в Сент-Антуан.

– Бланш-Неж, да? – вставляет Тофер.

– Верно, – киваю я. – Трасса очень приятная. До нее отсюда, как видите, нужно прилично топать в гору. Поэтому если хотите начать кататься прямо от порога, то единственный путь вниз – вон та дорожка через лес. – Я указываю на небольшую тропу за нами, которая вьется сбоку от шале и исчезает в соснах. – Она ведет к подножию зеленой трассы под названием Ачум, и к Ле Рен Телекабин, Королевской телекабине.

– Телекабин? – переспрашивает Иниго.

Я вспоминаю, что американцы используют другой термин:

– Простите, как же его? Канатная дорога! Среди вас есть абсолютные новички?

– Д-да, я! – нервно восклицает Лиз. – Каталась один раз в жизни. По искусственному склону. Выходило не очень.

– Хорошо, не волнуйтесь, в начале тропа крутовата, затем выравнивается. От вас потребуется лишь скользить, и все. На старте можете подтормаживать плугом, если есть желание, хотя я бы не рекомендовала: перед ровным участком лучше набрать скорость. Предлагаю вперед отправить опытных лыжников, за ними – сноубордистов, вам на ровном участке будет трудновато. Я пойду последней, с теми, кто не очень уверенно стоит на лыжах. После ровного участка тропа сливается с зеленой трассой, и дальше до самого подъемника – легкий уклон.

– Возьми на буксир. – Тофер с широкой улыбкой поворачивается к Еве.

Та закатывает глаза и выдергивает из снега лыжные палки. Я показываю им нужное направление и наблюдаю, как снуперы мчат вниз по узкой тропе между сосен. На ровном участке Ева переходит на красивый коньковый шаг, таща за собой Тофера; ее ярко-красная куртка мелькает среди деревьев. Тот, кто назвал Еву олимпийской чемпионкой, был прав, лыжница она отменная. Лучше меня, а ведь я не промах. Тофер тоже легко одолел небольшой крутой спуск в начале тропы, хотя для доски это место сложное. Тофер чувствует себя на ней как рыба в воде.

Следующим стартует Рик, он тоже опытный лыжник, пусть и не обладает талантом Евы. Затем Миранда, которая

вопреки моему совету тормозит на первом крутом отрезке, на ровном участке ковыляет со смущенным видом. Она скорее знаток, чем мастер: владеет основами, но излишняя осторожность мешает Миранде достичь успехов. За ней стартует Иниго. Травянисто-зеленая куртка удивительным образом добавляет голубизны его топазовым глазам. Он смело слетает вниз, каждое движение отточено, и по пути любезно подталкивает Миранду в спину, помогая набрать скорость. Очевидно, что Иниго катается с детства, это непринужденное изящество ни с чем не спутаешь. Наступает черед Тайгер, которая оказывается прекрасной сноубордисткой. Ее, в отличие от Тофера, никто не буксирует, и она легко проходит проблемный участок.

Карл срывается с места с мрачной решимостью, на багровом лице написано: «А, помирать, так с музыкой!» Почти сразу умудряется застрять лыжей в мягком сугробе и падает с кошмарным треском, но безропотно встает, поправляет лыжи и дальше спускается без происшествий. Следующая – Ани. На ней новенькая ярко-голубая куртка с белым комбинезоном. Лютиковые волосы торчат вокруг капюшона. Ани похожа одновременно на умильного ребенка и на ведущую детской телепрограммы. Она криво улыбается.

– Наверное, мне следовало поднять руку вместе с новичками, – говорит извиняющимся тоном. – Я не очень хорошо катаюсь.

– Не волнуйтесь, – подбадриваю я. – Тропа легкая, здесь

ничего не может произойти по определению, к тому же у нынешних больших сугробов есть преимущество: в них мягко падать.

Ани отвечает мне улыбкой, отталкивается палками – и испуганно визжит, когда дорожка ныряет вниз. От неожиданности Ани едва не заваливается на спину, размахивая палками, чудом восстанавливает равновесие и, смеясь, исчезает между деревьями следом за уже невидимыми коллегами.

Остаемся мы с Лиз. В отличие от бойкой и воодушевленной Ани, Лиз напряжена и слишком тепло одета – укутанная в несколько слоев, она заметно потеет. Я с досадой ругаю себя за то, что не проверила снаряжение неопытных лыжников, но лучше пусть потеет, чем мерзнет. В любом случае переодеваться поздно. Я уже собираюсь сказать пару напутственных слов, как вдруг до меня кое-что доходит.

– Погодите, а где Эллиот?

– Ой, – теряется Лиз. – Тофер не предупредил? Эллиот... ну, не участвует.

– О...

Я удивлена. У меня-то сложилось впечатление, что для сотрудников «Снупа» участие в совместных мероприятиях – дело отнюдь не добровольное. Карл ясно дал это понять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.